

Метро 2033: Площадь Мужества

Автор:

Наталия Ермаков

Метро 2033: Площадь Мужества

Наталия Ермакова

Дмитрий Сергеевич Ермаков

МетроВселенная «Метро 2033»Война начинается #2

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Великая война Империи Веган и Приморского Альянса началась. В смертельной схватке сошлись две крупнейшие общины Петербурга. Как и на любой войне, многое зависит от работы разведок и спецслужб. Внимание заклятых врагов сосредоточено на окрестностях станции Площадь Мужества. Какие тайны скрывают загадочная «дача Шаляпина» и зловещее Пискаревское кладбище? Выяснить это должна группа опытных сталкеров. Один из них Игнат Псарев по прозвищу «Пес», простой веселый парень. Волей случая Игнат оказывается в самом центре шпионской войны. Как выжить, если никому нельзя доверять и все вокруг ведут свою игру?

Дмитрий Ермаков, Наталия Ермакова

Метро 2033: Площадь Мужества

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Оформление обложки – Михаил Пантелеев

Карта – Леонид Добкач

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д. А. Глуховский, 2018

© Д. Ермаков, 2018

© Н. Ермакова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

«Дмитрия Ермакова не назовешь новичком в серии – за его плечами два романа и рассказ. Но в этот раз он выступает с одним на пару с одним из самых близких ему людей. В соавторах – его мама. Именно поэтому страницы романа, мне кажется, буквально пропитаны особой атмосферой. Вовсе не сентиментальной. В шпионских войнах посреди жестокой борьбы за жизнь нужны иные качества. Расчетливость, хладнокровие, смелость. И удача».

Дмитрий Глуховский

Объяснительная записка Анастасии Калябиной

Меня всегда поражали возможности человеческого организма. Иногда мне кажется, что наши слабости выдуманы – настолько много я знаю историй поразительных, ошеломляющих. О людях, которые перенесли многое, о людях, которые были на грани, но все равно не сдавались. О людях, которые сохраняли оптимизм и веру в лучшее, несмотря на болезни, горе, безвыходное положение... Часто ко мне приходит мысль о том, что сильными духом могут быть только оптимисты. Лишь человек, который, так или иначе, верит в светлое будущее, способен выдержать пытки судьбы, сохранив остатки рассудка.

Думаю, что авторы «Площади мужества» со мной согласятся. Их герой, Игнат Псарев, вам уже знаком по роману «Третья сила». Он именно такой – не унывает в трудную минуту, в любой ситуации пытается найти светлую сторону и борется до конца. В поисках друга он заходит так далеко... Другим и не снилось. И все это на фоне безбашенного оптимизма. Не унывать и не сдаваться – вот девиз Игната Псарева по кличке Пес.

Удивительно хорошо сочетаются название этой книги, место действия, и сама суть романа. Площадь мужества – место силы, ее название – дань памяти солдатам Великой Отечественной Войны, героям, и жителям Ленинграда, которые перенесли суровые годы блокады. Я думаю, стоит упомянуть здесь и о том, что значимую роль в романе играет особняк Котлова, в котором во время блокады находилась библиотека имени А. С. Серафимовича. В страшное время 1941–1944 годы она не переставала действовать.

Кому как не учителю истории знать об этих вещах?

В итоге перед нами сложный роман – попытка возродить мужество в Ленинграде, в городе, жители которого один раз уже показали всему миру на что они способны – и в постапокалиптической вселенной, в сюжете Дмитрия и Наталии Ермаковых, герой останется героем. А вот что будет происходить вокруг него – посмотрим.

Пролог

За четыре дня до начала войны,

станция Площадь Ленина

Старшего лейтенанта Савелия Игоревича Гаврилова трудно было чем-либо удивить. За десять лет службы в армии Альянса он насмотрелся всякого. Буквально на его глазах произошли и кровавая схватка с «бордющиками»[1 - См.: Шимун Врочек. «Метро 2033: Питер».], и печально известная экспедиция на остров Котлин[2 - Там же.]... Его же, первого в истории Приморского Альянса, отправили через реку в Оккервиль. Савелий Игоревич утратил способность к удивлению. Так ему казалось.

Пока утром второго ноября 2033 года сталкеры не притащили с поверхности ту самую планшетку... Скромную кожаную сумку веганского офицера.

Ничего особенного, на первый взгляд, там не было. Кроме карты Петербурга.

Прекрасная карта. Гаврилов понял это с первого взгляда. Отпечатана, понятное дело, до Судного дня. Карты пытались чертить и после, но эти кустарные поделки не шли ни в какое сравнение с продукцией настоящей типографии. Масштаб 1:15000, указан каждый дом, каждый переулочек. Все четко и понятно.

Ценная карта, полезная. Каких только пометок на ней не было. Жаль, значение большинства из них знал только владелец планшетки, веганский командир, убитый солдатами Оккервиля.

Савелий развернул карту, аккуратно расстелил на столе, скользнул взглядом по всевозможным крестикам, кружочкам, восклицательным знакам. Его внимание привлекла зона, которую контролировала Северная Конфедерация. У веганцев тут было на удивление много значков. А ведь окрестности площади Мужества отделяли от владений Вегана десятки километров...

– Ишь ты. Под носом у Рата шныряют... – проворчал Гаврилов, пристально вглядываясь в карандашные пометки.

Вот изящная буква «М» синего цвета с выгнутыми дужками. Станция Площадь Мужества. Вотчина Ратникова. Вот проспект Непокоренных. А это – кладбище. Страшное место. От него и в прежние-то времена, двадцать лет назад, веяло жутью. А уж сейчас...

– Одни понаехавшие кругом. А где «настоящие петербуржцы»? Где-где? На Пискаревке, – вспомнил старший лейтенант старый анекдот и невесело усмехнулся.

Гаврилов усилием воли отвлекся от печальных мыслей и снова взглянул на карту.

И вдруг сердце его на миг замерло, а потом забилось учащенно. К горлу подступил комок. Савелий Игоревич судорожно сглотнул. Вытер о штанину взопревшие ладони. Оглянулся воровато, словно в комнате мог быть кто-то посторонний.

Все еще отказываясь верить в реальность происходящего, старлей присмотрелся к участку карты, который занимало Пискаревское мемориальное кладбище.

Ошибки быть не могло.

Знак, нарисованный веганским офицером ровно в центре кладбища, возле памятника «Родина-Мать», трудно было с чем-то спутать.

– Ек-Рагнарек... – выдохнул Гаврилов.

Потом он рывком преодолел расстояние до телефона, сорвал трубку и выпалил на одном дыхании:

– Тащи сюда Пса, живо!

– Шо? – отозвался с другого конца провода не слишком толковый дежурный.

– Псарева сюда, живо! – взревел старший лейтенант.

Трубка с грохотом упала на рычаги.

Дежурный бросился исполнять поручение.

А Гаврилов крадучись, словно укротитель в клетке с хищниками, подобрался к столу, на котором лежала карта.

– Так во-о-от что делают зеленозадые под носом у Феликса... – чуть слышно произнес старлей.

Часть первая

Время расставлять фигуры

Глава первая

СПАСТИ МОЛОТОВА

За полтора месяца до начала войны,

станция Спортивная

Жителей станции Спортивная в питерском метро называли «спортсменами», но в этом прозвище сквозила злая или грустная – зависело от ситуации – ирония. На кого точно не походило местное население, так это на гибких, ловких атлетов из прошлого...

Привычное деление людей на «верхи» и «низы» здесь стоило понимать не в переносном, а в буквальном смысле. На нижней платформе, под давящим потолком, нависающим прямо над головами, в потрепанных палатках обитали

представители «низов». Простые работяги, челноки, кухарки, уборщицы влачили здесь весьма унылое существование. Здесь почти круглосуточно стоял шум и гам, воняло потом, тошнотворной похлебкой, дешевым табаком.

На верхнюю платформу вели две пары эскалаторов. Один спуск-подъем жители верхней платформы предусмотрительно испортили, разломав ленты эскалаторов, а у второго поставили охрану. Обитатели верхней станции построили для себя весьма опрятные домики из фанерных листов, выгодно торговали с Альянсом, брали пошлину с контрабандистов, идущих из межлинейника. Запахи, поднимавшиеся с нижней платформы, конечно, сложно было назвать приятными. Но человек способен привыкнуть ко всему. Привыкнуть и перестать замечать.

Спортсмены даже находили время на ремонт великолепных мозаик, на которых были изображены могучие атлеты, состязавшиеся в силе и ловкости. Жители метро на фоне героев прошлого смотрелись жалкими доходягами. Даже те из них, кто и питался неплохо, и имел доступ к медицинской помощи.

Однажды на станции объявилась экстравагантная компания. Матерый сталкер, рыжеволосая девушка и молчаливый азиат. Они пришли из межлинейника. Документы не показали. В качестве платы за транзит отдали пистолет-пулемет «Бизон». Особый интерес у местного населения вызвали густые рыжие локоны девушки. Большинство жителей метро не могли позволить себе такую роскошь, как длинные волосы.

– Небось, с богатой станции, – шептались бабы. – Ишь, какая вся.

– Хорош бабец, складный. Вот бы ее... – вздыхали любители постельных приключений. Но им приходилось только облизываться: девушку сопровождали вооруженные сталкеры.

Гости пробыли на Спортивной недолго, с полчаса, и потом ушли в сторону Чкаловской. Ушли – и ушли, казалось бы, кому какое дело. Да только после их ухода поток челноков и курьеров из межлинейника сильно обмелел. А потом и вовсе сошел на нет. Поползли зловещие слухи, что где-то в районе Выборгской был взрыв, и часть туннеля обрушилась[3 - См.: Дмитрий Ермаков, Анастасия Осипова. «Метро 2033: Третья сила».]

– Уж не эти ли, с рыжей девкой, накуролесили? – шептались на Спортивной.

Вскоре на станцию примчались солдаты Альянса. Офицер, представившийся старшим лейтенантом Гавриловым, и двое рядовых. Путь от Адмиралтейской они, видимо, проделали бегом. Приморцы навели на станции конкретного шороху. Допросили всех, начиная с пограничников и кончая кухаркой, которая продала гостям три миски похлебки.

Увидев пистолет-пулемет «Бизон», принятый в качестве платы за транзит, один из бойцов Альянса радостно закричал:

– Точняк! Именно такой был у Будды!

– Куда ушли эти трое? – наседал Гаврилов на коменданта станции.

– Дык это. На Чкалу, – отвечал растерянный комендант.

– Какого черта Молот там забыл? – удивились солдаты Альянса. – Лады, проверим.

Все трое исчезли в туннеле. А дальше произошло совсем уж невероятное. Из мертвого, пустого туннеля раздались выстрелы. Работал тяжелый пулемет. К нему присоединилось несколько стволов калибром поменьше. Потом все стихло.

– Всё, угрохали приморцев. Скоро и нас покрошат... – в ужасе шептались спортсмены, что наверху, что внизу.

Кто мог так стремительно заселить пустующую Чкаловскую, да еще и завезти туда тяжелое оружие?[4 - См.: Андрей Дьяков. «Метро 2033: Во мрак».] Ни у кого не было даже предположений на этот счет. Паника охватила станцию.

Бравые наемники героически бросились наутек. Пограничники принялись поспешно сооружать что-то наподобие блокпоста. Двадцать лет никому не приходило в голову укреплять туннели, ведущие в сторону заброшенных станций Чкаловская и Крестовский остров. Сейчас сюда спешно перетаскивали прожекторы и пулеметы. Защитники Спортивной так нервничали, что едва не расстреляли старшего лейтенанта Гаврилова и его спутников.

– Охренели, уроды?! – заревел офицер Альянса, когда над его головой прошла очередь трассирующих пуль. – Свои мы! Давай, пропускай.

Оказавшись на станции, Гаврилов мигом развил бурную деятельность. Организовал местную солдатню, довел до ума блокпосты, расставил стрелков, даже подготовил несколько мин. Командиру гарнизона старлей дал следующие инструкции:

– Полезут – огонь на поражение. Если парламентаров вышлют – пропускайте. А мы – на Адмиралтейскую. Пришлем усиленный отряд.

– А как же поиски Молота? – напомнил командиру сталкер Игнат Псарев.

– С дуба рухнул, боец? – процедил старший лейтенант. – Какого Молота? Да замочили Бориса эти уроды. И Ленку в придачу. Все, нет больше Молота!

Командир развернулся на каблуках и зашагал в сторону центра метро.

И никто не расслышал, как Пес шепнул на ухо Суховею:

– Хрена лысого. Мы найдем Молота. Если че, в самоволку уйдем... Мы не хренова армия, мы вольные сталкеры.

– Ну-ну. Иди. Тока без меня, – проворчал в ответ Суховой. – Я пас.

– Че?! Как это – пас?! – зашипел Игнат на ухо товарищу. – Ты, Кирюх, не врубаешься, по ходу. Борю надо спасать! Мы должны пойти, должны!

– Ага. Угу. Щас. Про демонов Крестовского слышал? – Суховой зябко поежился и огляделся по сторонам.

– Я про бакланов Крестовского слышал, – Пес попытался, как он это всегда делал, перевести разговор в шутку. – В демонов не верю.

– Молот тоже не верил. Пока не сходил туда, – произнес Кирилл Суховой зловещим шепотом. – Я-то че? Я ниче. Охота – иди. Схарчат тебя – что я Алиске скажу?

Суховей надавил на самую больную мозоль. Услышав имя Алисы, своей подруги, Игнат резко помрачнел и больше до самой Адмиралтейской не проронил ни слова.

Пес и Алиса не виделись уже почти две недели. Сначала между ними случился разлад, потом Игнат ушел в рейд на правый берег, а вернувшись в метро, тут же оказался в водовороте событий. Каждый день сталкер давал себе слово, что обязательно вырвется на Площадь Ленина, где жила Алиса. И каждый раз в последний момент встреча с любимой срывалась...

Обрадуется ли Алиса, узнав, что Пес снова уходит неизвестно куда? Ответ на этот вопрос напрашивался сам собой.

Глава вторая

НЕУДАЧНИКИ

За полгода до начала войны,

станция Площадь Ленина

– Я хочу у вас работать! – раздался звонкий девичий голос.

Сергей Васильевич Воробьев, старший врач станции Площадь Ленина, от неожиданности чуть не упал со стула. Он разбирал свое главное сокровище – пожухлые листы с рецептами. Бережно выписанные из медицинских справочников, они хранились в специальном сейфе и ценились в прямом смысле на вес золота. Он не заметил, как в его кабинет вошла девушка.

– А вы, собсна, кто? – уставился на посетительницу пожилой эскулап с лицом, покрытым густой сетью морщин, лысый, как коленка, с вечно дергающимся глазом. Нервный тик у главврача не проходил уже года три и стал такой же особенностью его личности, как засаленный халат и стоптанные сапоги.

– Я – медик, с Невского! – с гордостью отвечала посетительница. – Вот мои документы.

И она торжественно извлекла из кармана куртки листок картона со штампом Альянса. Там было написано, что девушку зовут Алиса Чайка, и что она – медсестра.

Сергей Васильевич мельком взглянул на удостоверение, потом опустил глаза, мгновенно потеряв всякий интерес к посетительнице, и вновь погрузился в изучение наследия великой медицины прошлого.

– Лети отсюда, чайка... – проговорил врач бесцветным голосом.

И уже совсем тихо, свистящим шепотом добавил:

– А то еще крылышки в крови запачкаешь.

Так прошло минут пять.

Сергей Васильевич делал вид, что работает. Алиса стояла перед ним с гордым и решительным выражением лица, словно буревестник над пустой равниной моря. Лишь раз машинально смахнула набежавшую слезинку, но тут же взяла себя в руки, тряхнула короткостриженными каштановыми волосами и через силу улыбнулась.

Игра «кто сдастся первым» продолжалась еще минут десять. Потом главврач отодвинул стопку рецептов и с досадой взглянул на девушку.

– Вот неугомонная птица. Лет скока?

– Двадцать три! – звонко отчеканила Алиса. – В медпункте проработала три года.

– Ха. И что же ты, птичка, делала в этом своем медпункте? – хмуро поинтересовался доктор Воробьев. – От чего лечила местных богачей? От воспаления хитрости? От пьяной икоты? Синяки им мазала?

«Интимные услуги оказывала?» – добавил про себя Сергей Васильевич. Многие медсестры на богатых станциях работали по совместительству проститутками, это не являлось секретом. Сказать это вслух Воробьев, однако, не решился. Главврач не любил обобщений. Видимо, взгляд выдал его с головой. Чайка потупилась.

«Ага, в точку. Значит, точно давала богатым пациентам», – с торжеством отметил Воробьев.

– Меня там достали симулянты, которые только и могут, что руки распускать! – воскликнула Алиса. – А я хочу нормальным людям помогать.

– Помогать, говоришь? Ты хоть раз ассистировала при полостной операции? А ампутации конечностей своими глазами видела? Без наркоза? С гноящимися ранами дело иметь приходилось? А с гангреной?

На все эти вопросы Алиса могла ответить лишь одно: «Нет». Ни одного по-настоящему тяжелого случая на Невском проспекте за все три года не произошло. Если кто-то из солдат или сталкеров Альянса получал ранения, их сразу же отправляли на Площадь Ленина. А медпункт Невского обслуживал местную элиту.

– Вы там, на Невском, в раю живете, – продолжал Сергей Васильевич бесцветным голосом. – Эдем, блин.

При этих словах Чайка вздрогнула и бросила на главврача быстрый, настороженный взгляд.

– Вы что, верите в сказки про «Объект тридцать»? – выдохнула она.

– Нет, конечно, – Воробьев улыбнулся лишь краями губ. – Это так, к слову. Но факт остается фактом. Вам, невским, и в кошмарах не снилось то, что у нас тут считается обычной работой...

– Именно поэтому я пришла, – с неожиданной твердостью ответила девушка с Невского. – Я пользу хочу приносить.

И одарила Сергея Васильевича ослепительной улыбкой.

Врач невольно залюбовался зубами девушки. Таких хороших зубов Сергею Васильевичу не доводилось видеть давно...

– Ты принесешь огромную пользу, если покинешь этот кабинет как можно скорее, – проворчал главврач, но в его тоне Алиса не уловила ни злости, ни равнодушия. Начальник станции военных врачей пытался скрыть симпатию, которую вызвала у него девушка, за грубостью. Она это поняла и не обиделась.

– Обязательно. Как только получу ваше разрешение – сразу помчусь на рабочее место! – воскликнула Алиса с озорным огоньком в глазах.

Этим ответом Чайка окончательно покорила сердце главврача.

«Девчонка бойкая, шустрая, – размышлял Сергей Васильевич, – эх, была – не была. Рук, в самом деле, не хватает».

– Хорошо, – сдался главврач. – Хочешь давить бровов...

Алиса удивленно моргнула.

– То есть, творить добро – мешать не буду. Но и легкой жизни не обещаю. И еще, – добавил главврач уже твердо, с металлическими нотками в голосе, – мы – военные врачи. Так что с этой минуты ты – военнообязанная. Никаких вольностей. Здесь вам не Страна чудес...

– Я вам так... Так благодарна! – Чайка чмокнула главврача в лысину.

«Ну как можно на нее сердиться?» – подумал Сергей Васильевич, небрежным жестом давая понять, что девушка может приступить к выполнению своих обязанностей.

– Поступаете в распоряжение старшей сестры – Грачевой Аллы Ивановны, – главврач написал пару строк на бумажке. – Как выйдете, сразу поверните направо. Стучите в первую дверь.

– Есть! – отсалютовала Алиса и, шутливо чеканя шаг, покинула кабинет.

Сергей Васильевич смотрел ей вслед. Легкая улыбка то появлялась на его лице, то пропадала.

Пожилой доктор многое повидал на своем веку. Десятки его коллег приходили в больницу или поликлинику с горящими глазами, чтобы лет через пять превратиться в апатичную тушу с перманентным нервным тиком. Многие ломались, спивались... Некоторые кончали с собой.

Сергея Васильевича спасало чувство юмора, здоровый цинизм... И вера в бога.

– Да поможет тебе Бог, – прошептал Сергей Васильевич, осенил себя крестным знамением и снова принялся за работу.

* * *

Алиса шла на встречу со своей новой начальницей, весело насвистывая на ходу.

Девушку весьма позабавило то, что у обоих главных докторов на станции Площадь Ленина были «птичьи» фамилии: Воробьев, Грачева... Она носила фамилию Чайка, а значит, удачно вписывалась в коллектив.

Едва Алиса переступила порог кабинета старшей сестры, как желание свистеть тут же пропало.

Перед Чайкой сидела сухая, желчная дама лет пятидесяти, выражением лица больше похожая на злобного бульдога, чем на кого-либо из семейства пернатых. У нее тоже, как и у главврача, не прекращался нервный тик. Но если облику Сергея Васильевича эта особенность придавала некую трогательность, то старшую сестру делала еще более неприятной.

– Не свистите, денег не будет, – произнесла Алла Ивановна, едва Алиса появилась на пороге.

Девушка в ответ только фыркнула. Ее всегда забавляли люди, верящие в подобные суеверия.

Суровое лицо старшей сестры исказила странная гримаса. Она словно съела кусок лимона, посыпанный солью.

– Не вижу ничего смешного, – произнесла Алла Ивановна все тем же ледяным тоном. – Стало быть, новая сестра?

Алисе оставалось лишь теряться в догадках, как старшая сестра могла узнать о ее назначении. Ни в кабинете Сергея Васильевича, ни здесь телефонов не было. Видимо, среди медиков сарафанное радио работало лучше любых средств связи. Да и под дверь у Воробьева наверняка кто-то подслушивал.

– Я, Алливанна... – заговорила девушка, не одолев сочетания имени и отчества, чем еще больше разозлила старшую сестру.

– Меня зовут Алла Ивановна, – поправила Чайку старшая сестра и сразу без перехода спросила: – Похуже места найти не могла? Может, тебе сразу к мортусам[5 - Мортусы – особая каста жителей метро, живут и трудятся в крематории на станциях Бухарестская и Международная.] надо?

– Мертвым помощь уже не нужна, – тихо, но твердо произнесла Алиса.

Старшая сестра ничего не ответила. Но, сколько ни вглядывалась девушка в ее лицо, так и не увидела ни единого проблеска симпатии. Алла Ивановна смотрела на нее, как на юную дурочку с ветром в голове. Наверное, она имела на это право.

Помолчав несколько секунд, старшая сестра взяла остро отточенный короткий карандаш и квадрат бумаги. Что-то написала и протянула записку Алисе.

«В блок Б» – вот все, что там оказалось написано.

– А где он, этот блок Бэ? – робко поинтересовалась Чайка, совершенно не знакомая ни с порядками, царившими на станции врачей, ни с планировкой помещений.

Грачева в ответ мотнула головой в неясном направлении.

– Спасибо за ответ, – Алиса, хотя и не ожидала теплого приема, не смогла сдержать обиды, круто развернулась и побежала прочь, сама не зная, куда... И наткнулась на мужчину лет тридцати в поношенном камуфляже со сталкерской нашивкой.

Тот шел по узкому проходу между строениями, опираясь на костыль. Левая нога больного не сгибалась, он с трудом ее подволакивал. Пальцы на правой руке были перебинтованы. Чайка несколько раз видела этого сталкера вместе с Борисом Молотовым.

Алиса не успела затормозить и на полном ходу налетела на пациента. Тот не удержался на ногах и упал на гранитные плиты.

– Агрх! Мать-перемать, куда прешь?! – зарычал сталкер.

Девушка попыталась удержаться на ногах, но не сумела и упала следом. Прямо на больную ногу несчастного. Тот взвыл от боли.

– Простите-извините-виновата... – пролепетала Алиса. Она попыталась помочь бедняге встать на ноги, но он лишь отмахнулся от нее.

– Вали отсюда! – захрипел сталкер, размахивая в воздухе костылем.

К месту событий уже спешили санитары. Обхватив голову руками, Чайка стремглав бросилась прочь.

Вечером этого же дня девушка, с трудом сдерживая слезы, написала на листе бумаги:

«Приказ выполнен. Я принята на работу. Все хорошо. Чайка».

Но с отправкой отчета решила подождать.

– Как бы ни выгнали теперь... – вздохнула она и спрятала письмо в потайной карман.

31 октября – 4 ноября, станция Выборгская

Станция Выборгская никогда не блистала красотой и изяществом, ни до часа Икс, ни, тем более, после. Обычная станция глубокого заложения с колоннами бежевого цвета. Как и все платформы петербургской подземки, Выборгская радовала местных жителей и гостей столицы обилием банкоматов и торговых точек. Москвичам, обладателям самого помпезного в мире метрополитена, о подобной роскоши оставалось только мечтать. Рабочие из стран Средней Азии старательно выгребали и выметали весь тот мусор, что оставляли за собой бесчисленные толпы пассажиров, чье движение в час пик напоминало миграцию антилоп гну.

Так было когда-то давно.

Теперь же, когда улицы и площади города заполнили двухметровые сороконожки и прочие милые создания, Выборгская превратилась в самый настоящий свинарник. С единственным отличием. Настоящих свиней тут не водилось. Зато здесь обитали не менее трехсот существ вида *homo sapiens*, не утруждавших себя заботой о красоте родной станции. Или не очень родной. Или совсем не родной, а всего лишь временного пристанища.

Расположенная на перекрестке торговых путей, Выборгская гостеприимно распахивала свои гермоворота перед наемниками, торгашами, наркокурьерами, ворами и воришками всех мастей. Большинство из них надолго здесь не задерживались. Кто-то уходил по межлинейнику на Петроградскую. Кто-то спешил в сторону центра метро, на Площадь Ленина или Площадь Восстания. Кто-то решался на рискованный марш-бросок через руины города на север. Там лежали владения Северной Конфедерации. Здесь не спрашивали документы и не особо напрягались, если посетитель входил на перрон с оружием, да еще и со свежими кровавыми пятнами на шнурованных берцах. Всякое бывает в жизни. Кому какое дело? Не дебоширь, да не воруй у местных, и живи, как знаешь. Главное – плати.

Местная администрация услужливо предлагала дорогим гостям неслыханные удобства: покосившуюся хибару с гордым названием: «Гостиница», жуткое

пойло с условным наименованием «пиво» и таким же соблазнительным шашлыком из крысиных тушек, и благоухающий общественный сортир. За неимением иного посетители рады были и этому. А если кто-то был не рад – старался помалкивать. Любителей качать права тут не жаловали.

Одним из случайных гостей этой шумной общины, пропахшей смрадом закопченного мяса и мужского пота, был Данила, караванщик из Северной Конфедерации, отставший от своих. Он торчал на станции уже пятый день.

– Скоро придет наш караван – и заберет меня, – повторял Данила.

– Тогда и долги отдам. Наши своих не бросают, все заплатят, – добавлял он, услышав напоминание про еду и выпивку, взятые в долг.

Но время шло. С севера никто не приходил. Кредиторы незадачливого караванщика начинали нервничать. Чтобы гость-дармоед не удрал, к нему приставили охрану. Данила вяло переругивался со своими надзирателями, но сбежать от них не мог. Стерегли парня на совесть.

Первое время караванщика подкармливали даром. Жалели человека. Особенно активное участие в судьбе караванщика приняла повариха Нюра. Целых три дня она наливала Даниле полные миски похлебки, да еще добавки давала.

– Он жеж. Он жеж за любов! – поясняла она свою щедрость.

Сталкеры и постовые угощали самогоном. Хозяин гостиницы целых два дня разрешал занимать койку бесплатно. Даже комендант станции не лез, а он больше всего на свете не любил людей, которые не платят денег.

Причина, по которой караванщик отстал от своих, была проста и незамысловата. Женщина. Ангелина, медсестра с Площади Ленина. По меркам метро – почти красавица, ни синяков, ни выбитых зубов. Они познакомились больше месяца назад, но тогда остаться наедине не получилось. Лину позвали на операцию.

– Приходи еще, устроим полет, – шепнула она на прощание.

Данила вернулся. Едва караван закончил разгрузку на Выборгской, и был объявлен общий отдых, помчался со всех ног на Площадь Ленина. На этот раз им повезло. Нашлось и место, и время. Три часа пролетели незаметно.

Про жесткие сроки пребывания каравана северян Данила, конечно, знал. И даже сделал попытку объяснить прекрасной даме, что ему пора прервать любовные подвиги и отправиться в обратный путь. На всех уважающих себя станциях горели электронные часы. Правильное ли они показывали время – никто не знал, но зато – одинаковое. Однако коварная Лина наотрез отказалась отпускать своего принца, а караванщик, как истинный джентльмен, не посмел перечить женщине. Когда же он все-таки вырвался из горячих объятий ненасытной партнерши и примчался обратно на Выборгскую, ни одного северянина там не оказалось. Караван ушел. Дождаться Данилу или отправлять кого-то на его поиски никто не стал, велика честь. Прошляпил время – сам виноват.

Отчаянное положение, в котором оказался караванщик, сначала позабавило местную солдатню.

– Дуй за своими, паря, – ржали сталкеры. – Че тут идти, всего пять кэмэ!

– Мужики, доведите до Мужества! Расплачусь – гадом буду, – Данила с надеждой смотрел на матерых бойцов, привыкших бродить по зловещим развалинам города. В ответ он слышал лишь насмешки.

– Щас, разбежались. Дураков нет, – ворчали одни.

– Скока дашь патронов, если доведем? – интересовались другие, и, услышав сумму, гнали его в шею.

Постовые, к костру которых северянин подсел погреться, отнеслись к нему с большим сочувствием, даже плеснули немного браги.

– А ты назад дуй, – советовали караульные. – К бабе этой. Повеселишься пару дней, а там, глядишь, и ваши подвалят.

Но караванщик, смертельно уставший от любовных подвигов, идти назад, на станцию врачей не решился. Лина вымотала его.

На четвертый день Данила рад был бы вернуться на Площадь Ленина. Да вот беда – его туда больше не пускали. Слишком много долгов наделал за это время незадачливый караванщик.

Беда следовала за бедой. Сначала его выгнали из гостиницы, потом перестали наливать самогон, а на пятый день – и кормить тоже.

– Вот я тя, дармоед! – прикрикнула на Данилу повариха Нюра, стоило ему показаться на пороге. Накануне комендант решил провести на кухне ревизию, нашел недостачу и устроил Нюре разнос. Караванщику в очередной раз не повезло...

– Денег нет – работай, – заявил комендант станции. – Что хошь, выбирай. Хошь – туалеты мой. Хошь – ржавчину соскабливай. Плесень вон расплодилась.

Но Данила от такой работы отказался наотрез, чем страшно рассердил коменданта.

– Ну и пшол вон, бес-дельник! – закричал комендант, желчный тип неопределенного возраста.

Слово «бездельник» он употреблял неоднократно, и каждый раз – по-своему, через букву «с».

Увидев, что караванщик понял его буквально и пошел напрямик к туннелю до Площади Ленина, начальник покраснел от гнева, обматерил Данилу и велел охране отлупить скандального гостя. После этого положение северянина стало совсем незавидным. Большую часть времени он слонялся по станции или сидел где-нибудь в углу. И все ждал... Ждал.

Никто не увидел, как вечером третьего ноября Даниле передали записку.

Ее принес курьер самой неприметной внешности. Небольшой клочок бумаги словно бы случайно выпал из рук посыльного, когда тот проходил мимо. Караванщик долгое время делал вид, что не замечает бумажку. Потом лениво приподнял скомканный листок, пробежал глазами и быстро сунул в карман.

На лице Данилы расплылась блаженная улыбка.

– Скоро... – выдохнул он.

01–04 ноября, за несколько дней до начала войны,

разные концы Приморского Альянса

Самоволка Игната Псарева и Кирилла Сухова закончилась полным провалом.

Сталкеров задержали на блокпосту Адмиралтейской.

То ли легенда про секретное задание Гаврилова, которую выдумал Псарев, показалась постовым неубедительной, то ли Гаврилов успел поднять тревогу и дозвонился на Адмиралтейскую – в общем, удрать у сталкеров не получилось. Так Псу и Суховаю стало окончательно ясно, что никакие они больше не «вольные», а вполне себе подневольные солдаты Альянса.

Игнат легко сдаваться не собирался.

– Мы, блин, вольные казаки, а не хренова армия! Куда хотим – туда идем! – бушевал он.

– Это вы-то казаки?! – ржали в ответ караульные.

– Дети мы казачьи! – с гордостью отвечал Пес. Дед его, в самом деле, был выходцем из терских казаков. Отец никакого отношения к казакам уже не имел, служил в полиции, но Игнат все равно чрезвычайно гордился своим происхождением. Кирилл Суховай был выходцем из семьи кубанских казаков.

– Хрены вы собачьи, – услышал в ответ Псарев.

Оскорбить Игната сильнее было почти невозможно.

Изрыгая потоки брани, сталкер кинулся в драку. Но силы оказались неравны. Пятеро бугаев быстро скрутили Псарева, а заодно надавали затрещин и его другу, Суховею, который ни с кем драться не собирался.

На Площадь Ленина сталкеры возвращались со связанными за спиной руками, под конвоем трех автоматчиков. У Игната был подбит правый глаз, у Кирилла – левый. Со стороны это выглядело даже забавно. Их заперли в камеру и продержали там три дня. Еду давали раз в сутки. По две миски похлебки, по стакану воды – и все. Сталкеры медленно зверели.

– Выпустят – голыми руками всех порву! – клялся Псарев.

– А все ты, гад, – ворчал Суховой. – И твоя самоволка.

– Ну, зашибись. Все стрелки на меня, – кипятился Игнат. – А кто Молоту поможет?

– Погиб Молот, просто прими это, – отвечал Кирилл и отворачивался к стенке, давая понять, что больше говорить не о чем.

Пес обзывал товарища трусом и подлецом, и тоже укладывался спать, чтобы скоротать томительные часы. Так беседовали они раз десять. С одинаковым результатом.

Вечером четвертого дня дверь камеры открылась. На пороге стояли трое автоматчиков. Пес, все это время мечтавший набить кому-нибудь морду, едва не полез в драку, Суховой насилу его остановил.

– Псарев. К Гаврилову, – процедил угрюмый сержант.

– Э! А я? – возмутился Кирилл.

– Про второго приказов не было, – отозвался сержант.

Автоматчики вытолкали Пса за дверь, заковали его в наручники и повели по длинным, тускло освещенным коридорам. Когда-то раньше здесь были подсобные помещения, переделанные теперь под тюремные камеры.

Одинаковые металлические двери сменяли одна другую. И вот, наконец, перед одной из таких безликих дверей сержант остановился. Постучал.

– Войдите, – глухо донеслось из помещения.

Дверь открылась, и сержант втолкнул Игната в тесную комнатку с давящим низким потолком.

Там сидел старлей Гаврилов. Он был мрачен и суров, как никогда.

– Ну что, казачок? Удалась самоволочка? – хмуро процедил Гаврилов, когда Псарева ввели в кабинет.

– Вашими молитвами, товарищ старший лейтенант, – криво улыбнулся Игнат.

– Капитан, – отозвался хозяин кабинета.

– Что – «капитан»?

– Капитан, – повторил Гаврилов, кивнув на свои погоны. Только сейчас Псарев заметил на них интересные изменения. В комнате царил полумрак, тускло горела единственная настольная лампа, поэтому сталкер не обратил внимания на результаты звездопада раньше.

Чего-чего, а знаков отличия в метро имелось с избытком. При разграблении военных частей чего только не тащили. Но боеприпасы имели досадную особенность кончаться. А погоны – что с ними будет? И главное: любая премия требовала каких-никаких расходов. Нашить новые погоны не стоило ничего.

– Ого. Капитан-капитан, подтянитесь... – нарочито фальшиво запел Игнат, но осекся, поймав взгляд командира. – За какие такие заслуги, товарищ капитан?

Гаврилов не ответил. Глаза его были ледяными, словно у продавщицы ликеро-водочного отдела за минуту до закрытия. Он отпустил охрану, потом встал, прошелся по кабинету, сцепив руки за спиной.

Тишина царила в крохотной комнатке, лишь чуть слышно гудел вентилятор. В фильмах, которыми увлекался в детстве Псарев, подобные ситуации обычно предшествовали жестоким пыткам.

«Щас прикажет меня пытать, на кусочки разрывать, хе-хе», – сталкер попытался развеселиться, но получилось только хуже. Липкий тягучий страх охватил все его существо.

С момента исчезновения Бориса Молотова оба его товарища превратились в обычных солдат Альянса. Самоволка – то же дезертирство. Да еще в предвоенное время. Наказание могло быть самым суровым.

Пес с самого начала понимал, что идет на риск. Но иного способа отправиться на помощь другу не видел.

* * *

Пока не кончилась заварушка, вызванная появлением моряков Вавилона, Псарев и Суховой даже не заикались о спасательной экспедиции. Но вот настал конец зловещему Черному санитару. Гибель острова Мощный получила объяснение. Моряки из врагов, угрожавших отравить все метро газом, превратились в союзников. Но искать Бориса Молотова никто не стремился. У армии Альянса хватало других хлопот.

– Да прочесали мы все станции до самого Комендантского проспекта, – устало отмахнулся Гаврилов от просьб Игната. – Нет никого. Пусто. Буддисты куда-то ухряпали. Все вентшахты завалены. Погиб твой Молот. Сгинул. И хватит о нем.

Пес не верил, что такие опытные бойцы, как Молот и Будда, могли пропасть без следа.

У них за плечами были кровавые рейды и веселые попойки. Они ходили туда, куда редко отваживались наведаться даже отчаянные смельчаки, – в логово Безбожников. И выходили оттуда целыми и невредимыми. Друзья прыгали вниз головой в зловещую бездну Разлома между Пушкинской и Владимирской, пересекали на утлой лодочке могучую Неву. Только однажды Псарев и Суховой подвели Бориса Молотова: отказались от похода на развалины футбольного

стадиона «Крестовский». Но это был единственный случай, и на взаимоотношения боевых товарищей он не повлиял.

Игнат долго подбивал Кирилла совершить рискованную экспедицию на северные станции Фрунзенско-Приморской линии, и, наконец, добился своего. Пока друзья шли по территории Альянса, вопросов не возникало...

* * *

Сталкер, затаив дыхание, ждал, что сделает с ним Гаврилов. Но время шло. Ничего не происходило. Псу уже начинало казаться, что командир вовсе забыл о нем. Игнат осторожно кашлянул.

– А, это ты? – капитан, казалось, только сейчас вспомнил об арестанте. – Ломаешь голову, зачем я тебя позвал? На вот, посмотри.

И сунул под нос Псу карту Петербурга.

– Что видишь?

– Ну, че вижу, че вижу... Проспект Непокоренных вижу. Вот, подписано.

Игнат невольно залюбовался картой. Очень хорошее издание. И сохранность поразительная. Каждую букву видно. Прочитать несложно даже при тусклом свете.

– Так, это че? Пискаревка, понятно. Вот памятник отмечен, «Родина-Мать».

– Верно. А теперь смотри сюда.

И Гаврилов убрал палец, которым зажимал что-то рядом с памятником.

– Ек-Рагнарек!!! – вырвалось у Псарева.

Рядом с монументом, в самом сердце мемориального кладбища, красовался рисунок бомбы. Ни с чем иным картинку спутать было нельзя. Полукруглый

обтекатель, треугольные стабилизаторы. В центре бомбы имелся еще один рисунок. Стандартный знак биологической угрозы. Игнату не раз доводилось видеть такие. Столкнувшись с аномалиями или мутировавшими тварями, сталкеры помечали опасную зону картинкой, напоминавшей инопланетного монстра.

– Карта была найдена в вещах убитого веганского офицера, – произнес капитан Гаврилов, бережно складывая бесценную находку и убирая в ящик стола.

– Что бы это ни значило, ясно одно: Империя затевает что-то очень, очень недоброе, – добавил он.

– Прямо под носом у северян... – заметил сталкер.

– И под боком у нас. Выяснить, что затеяли зеленожопые, можно только одним способом. Разведка.

– И я уже догадался, кого туда решено послать. В наказание за дезертирство. Только хрен вам, товарищ капитан, – осклабился Псарев. – Мы на Пискаревку не потащимся. Дураков нет. Слышал я байки про те края. Не-не-не. Не пойдем.

– Почему «мы»? – лицо Гаврилова вновь стало таким же жестким, а взгляд – таким же ледяным, как в начале их встречи. – Ты, ты туда пойдешь, сын казачий. А дружок твой тут останется. Вернешься – отпущу Кирюху на все четыре стороны. Ну, а не вернешься... – тут капитан замолчал и зловеще ухмыльнулся.

– Ну ты и гад... – выдохнул чуть слышно сталкер Псарев.

Вопрос, за что вчерашний старлей получил повышение по службе, задавать больше не имело смысла.

Ход Гаврилова был тонким и очень хитрым. Ни за что на свете Игнат Псарев не бросил бы на произвол судьбы единственного друга. Пес до сих пор не мог расстаться с мыслью о спасении Бориса Молотова, которого все остальные давно записали в «двухсотые». Что уж говорить о живом товарище, заточенном в тесную темную камеру!

Капитан поймал себя на мысли, что злые искорки, вспыхнувшие в глазах Псарева (или это ему почудилось?), не сулят ничего доброго. Игнат был по-настоящему страшен в гневе. Сейчас же это был даже не гнев, а первобытная ярость дикого хищного зверя. Гаврилов поежился. Псу необходимо было бросить аппетитную косточку, чтоб хотя бы немного задобрить, обуздать нечеловеческую злобу.

– Кстати, по поводу Молота, – добавил капитан, стараясь не смотреть в глаза сталкеру. – Есть предположение, что он все-таки ушел к северянам. Мы же не нашли трупов. Значит, Борис, Ленка и Будда все-таки вылезли на поверхность. А вентшахты могло и потом завалить...[6 - История Молотова и его друзей описана в романе «Метро 2033: Третья сила». Они в самом деле покинули метро и оказались на острове Елагин. По ряду причин Борис Молотов и Лена Рысева решили не возвращаться обратно.] Логично?

– Логично, – чуть слышно отозвался Игнат, не сводя с командира хмурого взгляда. Однако градус ненависти постепенно спадал. Желание набить Гаврилову морду уступало место любопытству.

– Но что им делать в городе? Как выживать на руинах? – продолжал рассуждать капитан. – Ни в городе, ни на островах выжить нельзя. Значит, куда-то ушли. На голубой линии их никто не видел. Ни на Черную речку, ни на Петроградскую они не спускались. И у джигитов не объявлялись, мы проверили. А на Проспект Просвещения Молот и сам бы не сунулся. Чай, не дурак.

– Не дурак, – эхом отозвался Пес.

– Значит, что остается? Или назад, к нам. Или к Ратникову. Я других вариантов не вижу, – проговорил Гаврилов и, наконец, решился снова встретиться взглядом с Псаревым. С огромным облегчением капитан отметил, что зверь, на короткое время пробудившийся в бывалом сталкере, скрылся. Уполз в свою берлогу. Перед офицером армии Альянса сидел простой парень. Тертый, матерый, побитый жизнью. Но обычный человек, не зверь. А с человеком вести диалог гораздо проще.

– Идти все равно в одну сторону, – Гаврилов попытался улыбнуться. – Да что тут топтать-то. Это буквально туда и обратно. А, Пес? Как в той книжке про хоббита.

Игнат не улыбнулся. А когда он заговорил, в голосе не было ни тени веселья.

– Читали мы профессора, читали. Какие монстры героям в пути повстречались, напомнить, а, капитан? Так что дай мне людей. Один я не пойду. Точка.

Глава третья

ОККЕРЫ

За четыре дня до начала войны, утро,

станция Площадь Ленина

Старший лейтенант Гаврилов не ожидал проблем. Рейд, в который он отправлял своих людей, был простым, маршрут – хорошо знакомым. Требовалось всего лишь выйти из вестибюля станции Площадь Ленина и пройти вдоль Невы в сторону тюремного комплекса Кресты.

Формальная независимость подземных общин, которую в мирное время старались соблюдать, теперь, накануне войны, была благополучно забыта, и станцию военных врачей оккупировали силы Альянса. Врачи немного пошумели, но быстро успокоились. Альянс получил в свое распоряжение опытных медиков. Станция Площадь Ленина стала базой для вылазок сталкеров на Выборгскую сторону.

На поверхность отправилось восемь бойцов. На своих ногах вернулось пятеро.

И не через три часа, как планировалось, а через полтора. Двоих раненых товарищи вели под руки, одного «двухсотого» – несли. За спинами приморцев маячили еще двое незнакомцев. Один – с ружьем, второй – с «калашом».

«Это еще кто такие?» – старлей попытался определить по одежде и оружию, к какой общине принадлежат гости. Но из-за скудного освещения удалось ему это не сразу.

– Как вас угораздило? – процедил Гаврилов.

Командир отряда с позывным «Харитон» принялся докладывать, перемежая рассказ отборными матюгами и то и дело скатываясь на междометия. Старлею приходилось прилагать немалые усилия, чтобы разобрать, кто «они», а кто – «эти».

Получалось, что на Арсенальной набережной приморцы наткнулись на веганских штурмовиков. Враги действовали грамотно. Укрылись среди развалин так, что никто из приморцев ничего не заподозрил. Подпустили поближе. Плотным огнем заставили залечь. Вывели из строя троих и наверняка нанесли бы бо?льший урон, но тут внезапно пришла подмога.

– Эти вылезли, как из-под земли! – тараторил командир отряда, радостно улыбаясь. – Как эти... черти из этой... табакерки! Прямо в тыл к этим... зеленожопым зашли. И всех на хрен покрошили.

– Не части, Харитон. Кто «эти»? – прервал Гаврилов затянувшийся монолог.

– Дык оккеры, – раздалось в ответ.

Только теперь старший лейтенант понял, что за солдаты маячили за спинами приморцев. Именно так одевались люди полковника Бодрова, верного союзника, недрогнувшей рукой отправившего на помощь Альянсу три десятка своих лучших людей, отборных бойцов. И вот полковник снова пришел на помощь. И снова вовремя.

«Но почему их только двое?» – недоумевал Гаврилов. Он велел оккерам подойти поближе и одновременно распорядился тащить на станцию раненых сталкеров. К счастью для тех, кто пострадал в этой передрыге, идти за врачами далеко не пришлось. На станции Площадь Ленина жили и работали лучшие медики питерской подземки. «Двухсотого» положили у края перрона. Мортусам, безликим могильщикам метро, требовалось время, чтобы добраться сюда. Но покойник никуда не спешил. Тело, накрытое брезентом, нагоняло безотчетную тоску. При виде его люди невольно ускоряли шаг, спеша поскорее пройти мимо. Даже здесь, на станции врачей, где старуха с косой давно стала привычной гостьей.

Бойцы с правого берега вышли из полумрака на свет, отстегнули респираторы... И Гаврилов удивился еще больше. Один солдат Оккервиля, вооруженный помповым ружьем, оказался молодым человеком. Лет двадцати трех, не больше. На вопросы оккер почти не отвечал, лишь кивал время от времени. Второй при ближайшем рассмотрении и вовсе оказался девушкой. Причем весьма brutальной. Нос сбит набок. Тело крепкое, сильное, взгляд смелый, решительный. Говорила она с легкой хрипотцой, представилась Соней Бойцовой. Оружие ее, очень похожее на АК, в реальности оказалось карабином «Сайга».

«Фамилия ей очень идет», – отметил старший лейтенант.

– Вас только двое? – начал он допрос.

– Было больше. Остальные не дошли, – сухо отозвалась Бойцова.

Гаврилов тяжело вздохнул. Ответ его не удивил. Путь от станции Ладожская был не близким. Лишь один человек мог преодолеть его беспрепятственно: Борис Молотов по прозвищу «Молот». Но он бесследно исчез две недели назад. У прочих без потерь не обходилось. Что было причиной такой удачливости Бориса Молотова? Везение или какая-то карма?..

– Как там ваши? Как полковник? – поинтересовался старший лейтенант.

– Держимся. Веганцы не лезут пока, – последовал такой же короткий емкий ответ. – Грибники в атаку полезли. Получили по самое не балуй.

С этими словами Соня зловеще улыбнулась и помассировала кулак. Ее спутник тоже мрачно усмехнулся. Гаврилов пришел к выводу, что оба приняли в избиении грибников самое активное участие.

«Нарики-то куда полезли?» – он воскресил в памяти все, что знал про жителей Веселого поселка. В военном смысле эти ребята были абсолютно бесполезны. Община доходяг и деградировавшего сброда...

Но вопросов старлей больше задавать не стал. Оккеры страшно устали, оба еле стояли на ногах. За их спинами был тяжелейший марш-бросок через руины города, кровавые схватки, погибшие товарищи...

Гаврилов отпустил своих людей, а солдатам Оккервиля велел выделить палатку и хорошенько накормить. Соня Бойцова и ее товарищ, так и не назвавший своего имени, сдали оружие, и, устало шаркая подошвами сапог по гранитным плитам, удалились.

Старший лейтенант остался один.

С минуту он стоял, задумчиво глядя на труп сталкера, прикрытый мешковиной. Из лазарета слышались стоны. Врачи обрабатывали раны остальных бойцов.

Тускло горело аварийное освещение. Станция врачей напоминала склеп. Низкие потолки. Широкие мощные пилоны. Сколько душ отлетело здесь в мир иной? Сколько предсмертных стонов слышали эти угрюмые стены?

«А сколько еще услышат, – подумал Гаврилов. – Ну, ничего. Мы еще поборемся. Нас так просто не возьмешь».

И он зашагал в кабинет, откуда этим утром бесцеремонно выселили главврача, чтобы спокойно, не спеша провести ревизию трофеев, взятых его людьми в сегодняшнем рейде. Особый интерес у старшего лейтенанта вызвала офицерская планшетка.

– Я съем свои носки, если там не найдется чего-то ценного, – произнес Гаврилов, закрывая за собой массивную стальную дверь.

* * *

Дима Самохвалов вошел в палатку и тут же рухнул на койку, точно поверженный колосс Родосский. Он напоминал марионетку, у которой в один миг обрезали все нити. Он даже не уснул, а именно отключился. Или перегорел, как старая лампочка. Слово «усталость» очень слабо подходило к тому состоянию, в котором находился парень. Никогда прежде ему не приходилось совершать таких долгих марш-бросков и участвовать в таких побоищах.

Соня тоже с радостью бы сразу завалилась спать. Она улеглась на жесткую лежанку, натянула застиранное одеяло, но забыться не получилось. Благословенный сон не спешил на зов. Конечно, она тоже страшно вымоталась и

тоже мечтала лишь об отдыхе, но кое-какие силы в натренированном теле еще оставались. Валяться в кровати без сна девушка ужасно не любила, поэтому она села, сложила ноги по-турецки и устремила задумчивый взгляд в проем, через который была видна часть станции Площадь Ленина.

Мрачное место, неудобное. Страшное. Главный госпиталь подземного мира выглядел не намного лучше, чем крематорий в зловещем тупике станции Международная. На гранитных плитах виднелись пятна крови. Оттирать их, видимо, уже даже не пытались.

– «Что зимой и летом одним цветом?» – спросил доктор у маньяка. И душегуб ответил: «Кро-о-о-вь!!!» – Соня вслух процитировала любимый анекдот и горько рассмеялась. Тут же осеклась, шлепнула себя по губам. Но Дима даже не пошевелился.

«Задолбался Митяй. Димон, – тут же поправилась она, вспомнив, как сильно ее спутник не любил имя Митя. – Но ведь дошел же, дошел! Чудо, что там, на набережной, не уснул...»

Девушка снова посмотрела в проем. Разводы уже не казались ей кровавыми пятнами. Может, какая-то другая жидкость, пролитая по небрежности. Или гранитные плиты изначально имели такую особенность. Но настроение все равно не улучшилось.

Тоскливо, муторно было на душе.

«Какая унылая станция, – подумала Соня, но тут же оборвала себя. – А ты чего ждала, м-м-м? Роскоши и блеска?».

Девушка фыркнула. В отличие от многих жителей Оккервиля, она знала, что на других станциях метро обстановка такая же, как в их обособленной общине. Или хуже. Или намного, намного хуже.

«А ведь Лена Рысева так же сидела...» – отметила Бойцова, машинально взглянув на свои ноги.

Ее подруга, бесследно исчезнувшая две недели назад, любила размышлять именно так, сидя по-турецки, а Соня переняла у нее эту привычку. Именно сюда, в Большое метро, ушла Лена в поисках пропавшего отца. С тех пор от Рысевой не было ни слуху, ни духу.

– Ленка. Эх, Ленка-Ленка... – повторила Соня несколько раз, тяжело вздохнула и снова забралась под одеяло.

– Я пришла за тобой, Ленок, – прошептала девушка, сжав кулаки.

«Ой, не ври, – тут же оборвала она сама себя. – Зачем себе-то лгать, м-м-м? Другим – можно. Себе – нет. Не в Ленке дело».

Поиски Лены Рысевой были отличным предлогом для подготовки третьей экспедиции Оккервиля. Ширмой для истинных планов Бойцовой. Ее путь лежал дальше, во владения Приморского Альянса, на станцию Адмиралтейская, а оттуда – на Садовую.

– Я доберусь до вас, ублюдки! – губы Сони растянулись в плотоядном зверином оскале. Тело конвульсивно дернулось, точно через него пропустили электрический ток.

Долгие годы, прожитые в сытой, спокойной общине Оккервиль, не сгладили боли и ужаса. Не стерли из памяти унижений и истязаний. Хозяева жизни с Садовой лишили Бойцову всего: дома, родных, детства... Ласки, нежности и любви. Нормальной пищи и крыши над головой. Возможности стать матерью. Оставили только невыразимую боль и жажду мести.

Соня не забыла. Соня не простила.

«А как же безбожники? – всплыло в сознании девушки. – Ведь это они насиловали меня».

Но, готовя план мести, Бойцова учла все нюансы. Для штурма логова бандитов, засевших в межлинейнике, требовался отряд спецназа с тяжелым оружием. Соваться туда смысла не имело. А вот перерезать пару глоток – это Соне было вполне по силам. Вычислить, выследить врагов. Тихо, незаметно подкрасться и,

улучив минуту, нанести смертельный удар. И исчезнуть, пока охрана не подняла тревогу. Со дня на день ожидалась война. Нет лучше повода, чтобы списать пару человеческих жизней...

– Со мной Димка. Он за меня – в огонь и в воду, – продолжала размышлять девушка, устраиваясь поудобнее на жесткой лежанке. – В метро полно солдат Оккервиля из первого и второго отрядов. Я не одна. Скоро, скоро все случится.

Лишь об одном жалела Бойцова. Что с нею нет Дениса Воеводина, лучшего сталкера Оккервиля. Кто, если не он, мог забраться в самое сердце Альянса, совершить возмездие и бесшумно удалиться? Воеводин шел с ними от Ладожской и почти достиг конечной цели, но потом исчез. Как сквозь землю провалился. Не осталось никаких следов. Может быть, Дениса унес летающий монстр. Или утащил под землю какой-нибудь червь-мутант. Или brave сталкер упал в канализационную шахту. Всякое случалось.

Руины Северной Венеции хранят зловещие тайны. Немало смельчаков, рискнувших бросить вызов новым хозяевам жизни, бесследно исчезли в лабиринте улиц и площадей великого города на берегах Невы...

Отдохнуть девушке не дали.

Едва она закрыла глаза и ощутила в теле приятную легкость, которой сопровождалось засыпание, как в палатку не вошел, а прямо-таки влетел какой-то буйный тип и принялся будить сначала Диму, потом Соню.

Из того, что он кричал, мало что было понятно.

Бойцова уловила только, что их требует к себе какой-то «Гав...лов!».

«Старлей Гаврилов требует, – догадалась она через пару секунд. – Обойдется. Я спать хочу, как собака».

Но буйный тип не отставал. Диму он будить больше не пытался. Видимо, понял – бесполезно. Сосредоточился на Соне. В какой-то момент парень разошелся до того, что начал стягивать с девушки одеяло. За что тут же получил звонкую пощечину.

– Хам! – рявкнула Соня. – Совсем охренел, козел? Может, я тут голая лежу?! Вали к своему лейтенанту Гаву. Ща приду. Иду, говорят тебе, – добавила девушка, видя, что посыльный не уходит. – Проваливай.

Бойцова на мгновение закрыла глаза, а потом резко, одним рывком, выскочила из-под одеяла. Она слышала, что это лучший способ обрести бодрость. В ее случае не сработало. От усталости кружилась голова, глаза слипались.

«Ну вот что, старший лейтенант Гав. У тебя, козла, должна быть очень веская причина тащить меня к себе. Иначе – держись», – думала Соня, натягивая сапоги.

Сразу к Гаврилову девушка не пошла, по пути заглянула в уборную.

– Ничего, подождет, – ворчала она, выходя из кабинки.

Первое, что учуяла Соня, появившись на пороге начальственного кабинета, – божественный аромат.

«Ко-о-о-офе!!! Настоящий!!!» – мелькнуло в голове девушки.

Она знала вкус кофе. Много лет назад, на Адмиралтейской, где Соня жила припеваючи, ей доводилось пить этот бодрящий напиток. Потом кофе исчез из ее жизни. Как и почти все элементы комфорта и уюта. Ни в общине Оккервиль, живущей по-спартански, ни тем более в логове Безбожников таким дефицитом не баловались даже большие начальники.

Дымящаяся эмалированная кружка, источающая дивный аромат, завладела вниманием Бойцовой так сильно, что она даже не заметила в первый момент, что в помещении, кроме хозяина кабинета, находится еще один военный. Правда, сидел он в самом дальнем углу, и в полумраке второго солдата Альянса можно было спокойно принять за мешок.

– Это – мне? – спросила Соня, не решаясь протянуть руку к сказочному привету из сытого прошлого.

– Конечно, угощайтесь, – отозвался Савелий Игоревич.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, – выдохнула девушка.

– Капитан, – ответил Гаврилов как будто невпопад, но Соня не услышала его реплику.

Сначала она попыталась обхватить кружку обеими ладонями, но обожглась и отдернула руки. Кофе, видимо, только что заварили крутым кипятком. Тогда она взялась за ручку и, жадно вдыхая густой, насыщенный, бодрящий аромат, принялась крохотными глотками вливать в себя обжигающе горячий напиток.

Кофе ее слегка разочаровал. Конечно же, растворимый, из пакетика. Видимо, сталкеры принесли с поверхности. На целую кружку кипятка высыпали один пакетик. И сахара пожалели. В итоге получилось, конечно, чудесно, но... Не то. Не то.

На Адмиралтейской семья Бойцовых могла позволить себе молотый кофе... Тогда, не в этой жизни. Давным-давно. Много лет назад...

– Давным-давно, давным-давно, давны-ы-ым-давно! – промурлыкала себе под нос Соня, допивая кофе. Эту незамысловатую песенку напевал когда-то ее отец.

Только тут она заметила второго мужчину. Он все так же сидел в углу и хмуро, исподлобья наблюдал за каждым движением девушки.

– Ну что, рядовой Бойцова от полковника Бодрова? Взбодрились? – улыбнулся Савелий Игоревич, заметив, что кружка опустела. – Больше, уж простите, предложить не могу. У самих, знаете ли, дефисит.

Тут Гаврилов рассмеялся. Слово «дефисит» он произнес как-то странно. Второй военный тоже улыбнулся. Соня смысла шутки не уловила.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, – отозвалась девушка. Спать по-прежнему хотелось, но не так сильно.

– Капитан, – повторно поправил ее хозяин кабинета.

«Сделал карьеру товарищ Гаврилов. Интересно, как выслужился?» – пронеслось в голове девушки.

– А это – Пес, – кивнул в угол капитан Гаврилов.

Соня вздрогнула. Она никак не ожидала от него такого пренебрежительного, да просто скотского отношения к своим людям.

– Кто? – подалась вперед девушка.

И еще раньше, чем капитан Гаврилов заговорил, сама все поняла. Перед ней сидел старый приятель Псарев. Сталкер из группы Бориса Молотова. Псарев сильно изменился за две недели, прошедшие с момента их последней встречи. У него был подбит глаз и рассечена губа. На лбу тоже виднелся свежий шрам. К тому же сталкер зарос густой щетиной. Обычно Пес улыбался, в крайнем случае, ухмылялся. Сейчас выражение лица у Игната было – краше в гроб кладут. И если Соня Бойцова просто не выпалась, то Пес – не выпался вдвойне.

– Кто-кто. Дед Пихто, – проворчал из своего угла Игнат Псарев. – Ну ты, блин, даешь, Сонька. Столько лет друг друга знаем... Эх, ек-Рагнарек. Видать, совсем морда лица у меня не того.

– Ну и рожа у тебя, Шарапов. Смотреть противно! – произнес хозяин кабинета не своим голосом и оглушительно расхохотался.

«Какой еще Шарапов?...» – растерялась девушка.

– Это из фильма, – пояснил Гаврилов, видя растерянность на лице гостыи, потом положил на стол сжатые кулаки и заговорил уже без тени веселости. – Ладно, к делу. Пропал Борис Молотов. И Лена Рысева с ним. И этот еще. Как его там правильно, Пес?

– Бадархан Шаградов, – подал голос Игнат из своего угла.

– Ну и имечко. Короче, все они сгнули. Как сквозь землю провалились. Четвертый сталкер, Филипп, предположительно погиб. Остальные, скорее всего, тоже... Но надежда пока есть.

На глаза Сони навернулись слезы. Она посмотрела на Псарева с мольбой.

«Неужели это правда?!» – послала она безмолвный вопрос. И Игнат коротким кивком ответил: «К сожалению, да».

– Пока есть надежда, надо искать Молота, – говорил Гаврилов, и при этих словах на шее у него заиграл желвак, а на лбу выступила испарина.

«Скоро война, – подумала Бойцова. – Ясное дело, для Альянса любой опытный вояка – на вес золота. А был бы простой парень – никто б и не чухнулся...»

Борис.

Долгие годы он был для нее единственным близким человеком.

Сильный, мужественный, честный. Таких ни на Адмиралтейской, ни на Садовой Соне встречать не приходилось.

Борис вырвал ее из лап бандитов. Он же переправил в Оккервиль и упросил полковника Бодрова поселить у себя сироту без роду-племени. И каждый раз, когда появлялась возможность, приходил проводить. Как правило, не один, а с друзьями – Псаревым и Суховеем.

«Пес у меня один остался, старый друг, – девушка вытерла слезы и с нежностью посмотрела на сурового сталкера, что так и сидел в своем углу. – Ленка сгинула. Боря пропал. Кроме Димки и Игната, больше никого...»

Сталкер поймал ее взгляд, и в первый раз в его глазах Соня увидела ответную теплоту.

– Но все силы задействованы на других направлениях, – словно издалека, долетали до Сони слова капитана Гаврилова. – А Псарева одного посылать не вижу смысла. Далекий путь предстоит... До Площади Мужества. Туда должны были уйти Борис и Ленка. Дошли – не дошли, неизвестно. Но у троих сталкеров шансов выжить, безусловно, больше, чем у одного. Поэтому мы просим. Не приказываем. Просим, – капитан Гаврилов сделал упор на последнем слове, – чтобы вы с Димой пошли туда.

– Мы согласны, – тут же отозвалась девушка.

«Ишь, какая. Сразу – да. Нет бы поломаться, как все бабы делают. И как ты, интересно, будешь Самосвала с кровати сгонять?» – шепнул внутренний голос.

«Придумаю способ, – отвечала Соня сама себе. – А ломаться... Сейчас не та ситуация. На святое дело идем. Друга выручать».

«А как же твоя цель? Ты уйдешь, а кто отомстит упырям с Садовой?» – снова прорезался внутренний голос.

«Мечь подождет. Никуда они не денутся, – Бойцова усилием воли заглушила страстное желание как можно скорее вырваться на Садовую. – А если их до меня веганцы замочат – туда и дорога».

– Отлично, – с явным облегчением произнес Савелий. – Выходите послезавтра, четвертого ноября.

«Супер. Как раз Димка выпится», – пронеслось в голове Сони.

– Написал я тут письмо типу, что у северян всем заправляет, Ратникову. Окажи, дескать, содействие, и все дела. Но мужик он мутный... И вообще, не очень понятно, что сейчас у конфедератов творится. Если что – действуйте по обстоятельствам.

– Нам не привыкать, – отозвался Псарев.

– Вперед, на помощь к Молоту! – воскликнула Бойцова, но тут же смутилась и замолчала.

Ни Гаврилов, ни Псарев не улыбались. Ни тени радости не было видно на их лицах. Перед Соней сидели уставшие, изможденные, крепко побитые жизнью мужики. Люди, которые прекрасно понимали, какие трудности и опасности ждут их впереди.

Тут девушка в который раз крепко пожалела, что с ними нет Дениса Воеводина. Вчетвером они составили бы первоклассную боевую единицу...

Глава четвертая

БАШ НА БАШ

За два дня до начала войны, 11 часов, станция Выборгская

Появление троих сталкеров Альянса Данила заметил почти сразу. После того как был взорван межлинейник, а Северная Конфедерация перестала посылать караваны в Большое метро, гостей на Выборгской стало в разы меньше. А военные сюда и вовсе перестали захаживать. И вот из туннеля, ведущего на станцию врачей, появились трое. Все с оружием, в защитных костюмах. Сразу видно – сталкеры.

Впереди шагал крепкий мужик лет тридцати, потрепанный жизнью в прямом и переносном смысле. Физиономию его украшали свежие шрамы. Караванщик немало видел на своем веку матерых вояк, прошедших сквозь ад. Этот парень был как раз из таких. Вооружен он был автоматом Калашникова сто пятой серии. Большая редкость в метро.

Сталкер получил ярлычок от Данилы «Бывалый». Караванщик обожал давать незнакомым людям клички.

Следом на платформу лихо запрыгнула боевая дама с карабином «Сайга» за спиной. пышная грудь девушки, заметная даже под защитным костюмом, сразу же заинтересовала Данилу, большого охотника до женских прелестей. Но стоило северянину увидеть ее чуть сбитый набок нос, как он сразу отвел взгляд. Дратся красавица, без сомнения, умела и любила.

«А эта пусть будет Амазонкой», – решил караванщик.

Третий член отряда без посторонней помощи залезть на платформу с путей не смог. Девушке пришлось протягивать товарищу руку. Выглядел третий сталкер совсем не героически. Невысокий, полноватый, лицо детское, глаза испуганно

бегают по сторонам. В руках юноша сжимал помповое ружье «Бекас».

«Салага, новичок», – пренебрежительно обозвал третьего приморца Данила.

Гости между тем привлекли всеобщее внимание. Со всех концов станции потянулись зеваки. Кто-то таращился на их снаряжение, кто-то – на грудь Амазонки. Комендант сунулся с вопросами, но увидел какую-то бумажку в руках владельца сто пятого АК, видимо, спецпропуск, и тут же испарился.

Приморцы кого-то искали. Несколько минут они маячили посреди платформы. Бывалый болтал с местной солдатней. Рядом, взявшись за руки, стояли Амазонка и Салага.

«Охренеть. Они че, вместе? – скривился Данила. – Этот доходяга? С такой женщиной? Да на что он способен, молокосос. Вот я бы ее...»

Северянин так увлекся смелыми фантазиями на тему: «Что, если бы на месте Салаги был я», что не сразу заподозрил неладное. Сталкеры Альянса двинулись в его сторону. А когда караванщик понял это, сбегать было поздно. Гости встали с трех сторон вокруг колонны, прислонившись спиной к холодному мрамору которой, сидел Данила.

– Ну, здорова, конфедерат! – Бывалый присел перед ним на корточки и протянул мозолистую, жилистую руку.

Караванщик не ответил. Он с удивлением косился то на Амазонку, то на Салагу.

Видя, что ответного рукопожатия не будет, сталкер убрал руку в карман.

– Или как вы там называетесь? Северяне? Короче, паря, слушай сюда. Нам тут нужно к вашим в гости заскочить. На Мужества. И проводник не помешает. У тебя, я знаю, долгов – по самые уши. Баш на баш. Альянс платит, ты – ведешь. Ну, что скажешь?

Данила молчал. Предложение приморцев звучало заманчиво. Других вариантов покинуть давно опостылевшую Выборгскую он не видел. Но все-таки караванщик колебался.

Словно бы прочитав его мысли, Бывалый выудил из кармана конверт и потряс им перед лицом Данилы.

– Письмецо у нас. К вашему шефу, Феликсу. От руководства Альянса. Можно сказать, миссия государственной важности. Сейчас, сам понимаешь, почта России не выручит. Надежда только на нас, сталкеров. Кстати, меня Игнатом зовут. А это – Соня и Димон.

Караванщик представляться не стал.

Имена давно стали для него пустым звуком. В метро все или почти все предпочитали жить с кличками. А те, за кем водились темные делишки, и вовсе меняли имена, как перчатки.

Игнат терпеливо ждал ответа. Молчание затягивалось. Нарушила его девушка, которую представили Соней.

– Дело не только в письме. Друга мы ищем. Друзей. К вам недели две назад должны были прийти сталкеры из Большого метро. Один – здоровый мужик, лысый. С ним азиат, молчаливый такой. Еще девчонка примерно с меня ростом, рыженькая. Ты, случайно, их не видел?

Данила издал неопределенный звук и пожал плечами.

– Понятно, что к вам разные люди ходят. Но этих трудно с кем-то спутать, – наседала на караванщика Соня.

– Они могли и не дойти... – чуть слышно произнес Дима.

– Не смей так думать! И тем более говорить, – зарычала Соня, сжимая кулаки. Парень промямлил в ответ что-то неразборчивое.

– Лады. Я в деле, – караванщик в первый раз подал голос.

Все вздохнули с облегчением. Включая кредиторов Данилы, которые с интересом наблюдали издалека за беседой караванщика и приморцев.

На глазах северянина Игнат выудил мешочек патронов и в пять минут уплатил все его долги. Причем ушлые кредиторы содрали с Пса раза в два больше. Но сталкер отдавал патроны спокойно. «Не свое – не жалко». Данила был свободен.

– Пшол вон, бес-дельник! – крикнул на прощание комендант.

– Дармоед! – донеслось из приоткрытой кухонной двери.

– В другой раз будешь девку пялить – за часиками следи, – напутствовали караванщика постовые у гермозатвора.

Даниле хотелось пожелать всем этим людям гореть в аду синим пламенем. Станция и ее обитатели за эти пять дней опостытели парню до тошноты, до изжоги, до зубовного скрежета. Данила не боялся поверхности. Он бывал там много раз, знал, как избежать опасности, сохранить жизнь. Лишь одно тревожило караванщика. Прodelать этот путь предстояло в компании людей, о которых он представления не имел.

Глава пятая

РЫЦАРЬ

За полгода до начала войны,

станция Площадь Ленина

Алиса Чайка с содроганием ждала разноса от Сергея Васильевича. От Грачевой она и вовсе держалась на расстоянии выстрела. Девушка боялась, что старшая сестра ее если и не съест, то закроет точно.

К удивлению Чайки, старший врач ругаться не стал. Даже голоса ни разу не повысил.

Просто вызвал в кабинет, велел сесть и произнес устало:

– Твое счастье, птичка, что это был не солдат Альянса, а вольный сталкер с Владимирской.

Алиса выдохнула.

В сильных, влиятельных общинах жизнь сталкеров ценилась очень дорого. Кто, кроме них, мог обеспечить метро медикаментами, боеприпасами и другим позарез необходимым хабаром? А заодно притащить с поверхности предметы роскоши для новых хозяев жизни. Не все сталкеры принадлежали к конкретным общинам, были и «свободные охотники», они сами располагали собой.

– Командир его, Борис Молотов, человек адекватный, не склочник, – продолжал Сергей Васильевич. – Он тебя, кстати, знает. В общем, претензий к тебе особых нет. Но...

Тут старший врач выдержал паузу и добавил уже строже:

– По твоей вине у сталкера Кирилла Суховея сотрясение мозга. Его несколько раз рвало. Так что сиделкой к нему назначаю тебя.

Девушка поспешно кивнула и выбежала из кабинета, даже не спросив, где лежит раненый.

Не так, совсем не так представляла она себе путь на славном поприще сестры милосердия...

«Розовые очки всегда бьются стеклами внутрь», – говорил один ее знакомый. Алиса долгое время не понимала значения этого выражения.

Только выйдя из кабинета старшего врача девушка сообразила, что не знает, где искать Суховея. Но возвращаться побоялась. Спросила у первого попавшегося санитаря:

– А где сталкер лежит? Раненый. С Владимирской.

Санитар отправил ее в другой конец станции. Там, в одиночной палате, на чистых простынях лежал человек с забинтованным лицом. Под кроватью стояла утка.

Алиса застыла на пороге, не решаясь нарушить покой больного. Места для сиделки в палате не было. Можно было сесть только на край койки.

– Привет, сестренка, – заговорил тем временем раненый. – Ты заходи, не бойсь. Я не мумия. Обычный человек.

– Что вы, я не боюсь, – промолвила Чайка, осторожно переступая порог. А про себя подумала: «У него даже хватает сил шутить!»

– Ты садись, сестренка, не бойсь, – снова подал голос сталкер. – Я не трону. Нечем трогать...

С этими словами он слегка приподнял забинтованные руки.

«В прошлый раз в бинтах была только одна рука. Неужели это тоже моя вина?» – подумала Алиса, опускаясь на кровать. Под ее весом койка слегка прогнулась, пружины тихо застонали.

– Слышишь? Они нам что-то хотят сказать.

– Кто?

– Ну, пружины. Привстань чутка, сестренка.

Девушка послушалась.

Пружины отозвались печальным скрипом.

– Да, говорят. Они говорят: «Держись, парень, не ссы».

Раненый хотел засмеяться, но вместо этого закашлялся.

– Молчите-молчите, – заволновалась Чайка. – Лучше я вам что-нибудь расскажу. Например, стихи. Про фараона.

– Серьезно? Неужто Тутанх... Кха-кха! – сталкер зашелся надсадным кашлем-смехом.

– Тише, тише. Вам нужен покой. Не говорите ничего, слушайте молча.

Она на миг закрыла глаза, сосредоточилась и начала декламировать свои любимые стихи о скарабее, невзрачном жуке, которого почитали как божество в древнем Египте:

...Прервется род египетских царей,

И в шорохе последней укоризны,

Несется вниз быстрее, быстрее, быстрее,

Навозный шарик, черный шарик жизни[7 - Стихи С. Штильмана.].

– Красиво, – произнес раненый, когда девушка умолкла. – Особенно если забыть, что шарик скарабея состоял из самого обычного говна...

Алиса слегка смутилась.

– А как вы думаете, война начнется? – спросила она, решив сменить тему.

В метро только и разговоров было, что о грядущей глобальной экспансии Империи Веган. Но многие верили, что все как-то обойдется.

– Ясен красен, – отозвался сталкер. – Тут и думать нечего. Начнется, сто пудов. Вопрос лишь, когда. Но ты не бойсь, сестренка, – губы под бинтами улыбнулись. – Мы вас в обиду не дадим. Заштопайте нас получше – и мы встанем в строй.

– Заштопаем. Конечно, заштопаем! – ответила медсестра с нежной улыбкой и в первый раз решилась дотронуться до могучего тела раненого, но не сломленного воина.

В этот момент на пороге возникла грозная фигура старшей сестры Аллы Ивановны Грачевой. Свет падал на лицо пожилой женщины таким образом, что оно казалось маской.

– Так-так-так, Чайка выполняет распоряжение главврача, – Алла Ивановна не шумела, не ругалась, говорила подчеркнуто вежливо. – Какая, в самом деле, разница – Псарев, Суховей... Куда хотим, туда летим.

Тут только Алиса поняла, что пришла к другому сталкеру.

– Про-простите, Алливанна, из-извините, – пролепетала девушка и поспешно вскочила, совсем забыв про низкий потолок. Ударилась головой. Глухо застонала от боли.

– Меня зовут Алла Ивановна! – сдвинула брови старшая сестра. – Пора уже запомнить. А что это у вас за методы такие – стихи раненым читать? От этого, вероятно, ожоги быстрее заживают?

Слезы навернулись на глаза Алисы. С какой теплотой, с каким щемящим чувством ностальгии вспоминала она сейчас станцию Невский проспект, где никто не позволял себе унижать и высмеивать ее. Были на Невском свои проблемы. Но сейчас Чайка готова была махнуть рукой на все мечты и улететь обратно в сытую, спокойную рутину элитного медпункта...

– Не ругайте ее, – тихо, но твердо произнес раненый.

Грачева мигом смолкла. Перечить сталкеру старшая сестра не решилась.

– Да, сестренка, – добавил тот, обращаясь к Чайке. – Ошибочка вышла. Суховей в другой палате. Ты заходи, Алис. Спой мне еще что-нибудь.

Чайка поспешила в палату Суховея. Там она провела почти сутки.

Кириллу в самом деле было плохо. В отличие от товарища, Суховей не шутил, прибаутками и хохмами не сыпал. Он вообще не разговаривал. Лишь поприветствовал медсестру хмурым:

– А. Это ты, дура.

Девушка проглотила обиду.

Песен Суховею она не пела и стихов не читала. Вообще ни слова не сказала. И когда нелюдимый сталкер заснул, Алиса стала вновь и вновь прокручивать в памяти короткий диалог с Игнатом Псаревым.

– Какой же он классный... – вздохнула девушка.

* * *

За три года, прожитых на Невском, Чайка повидала всякое.

Местные хозяева жизни знали толк и в грязных развлечениях, и в бесстыдных оргиях. Последняя война изменила многое, многое перевернула с ног на голову. Но деление людей на тех, кто борется за каждый новый день, и тех, кто эти дни беспутно прожигает, осталось. А вот процент честных и порядочных мужчин если и изменился, то разве что в том смысле, что они вовсе перевелись. Благородство в метро ценилось мало. Слово подчас не стоило и ржавого патрона.

Встречались на пути Алисы и авантюристы, и проходимцы всех мастей, и нечистые на руку дельцы, и просто бандиты. А вот благородных рыцарей – ни одного. Перевелись богатыри. Вымерли, как динозавры. Или вовсе никогда не существовали, как драконы.

Закон джунглей действовал во всех общинах. Каждый, у кого был хоть какой-то капитал, пускал его в дело, чтобы выторговать себе местечко поближе к кормушке, подальше от радиации. Еще кое-что объединяло жителей бедных и богатых станций. Пессимизм. Он был такой же массовой бедой, как хронический насморк.

И вот на пути девушки появился Игнат Псарев. Человек, который, даже будучи прикован к больничной койке, продолжал излучать оптимизм и заражал всех вокруг непреодолимой тягой к жизни.

27 марта, за семь месяцев до начала войны,

станция Площадь Ленина

Едва выдалась свободная минутка, Алиса вытащила из потайного кармана письмо. Перечитала, дополнила.

Бумага была в дефиците. Производить ее своими силами жители метро не могли, приходилось тратить довоенные запасы, растаскивать на листы книги, газеты и плакаты. Впрочем, количество людей, умеющих читать и писать, с каждым годом сокращалось, и если нужно было отправить весточку на другую станцию, послание обычно передавали устно.

Чайка, в отличие от многих, писать умела. Минут пять она старательно выводила буквы. Потом тщательно сложила лист бумаги вчетверо. Письмо было готово. Теперь предстояло самое важное: доставить его по адресу. Вечером на станцию пришел сталкер Борис Молотов. Он часто заглядывал на Площадь Ленина, Молота тут знали и пропускали на блокпостах без лишних вопросов. Борис зашел к старшему врачу, поболтал с местными солдатами. Заглянул он и в спальный блок, где его ждала Алиса.

– Значит, это ты Кирюху вырубил? – спросил с усмешкой Молотов.

– Я... – вздохнула девушка.

– Ну, ниче, ниче. Зато у меня появился повод навестить к врачам. Доклад готов? – поинтересовался сталкер.

Алиса кивнула и протянула Борису письмо.

– Лейтенанту Ларионову, – прошептала она чуть слышно.

– Будет сделано, – ответил с улыбкой Молот, убрал листок бумаги во внутренний карман и удалился.

Девушка блаженно выдохнула и опустилась на койку. Теперь, когда письмо было отправлено, она могла позволить себе немного расслабиться.

18 мая, за пять месяцев до начала войны,

станция Площадь Ленина

Сталкера Псарева выписали из госпиталя через два месяца после злополучного похода. Кислотные ожоги более-менее зажили, силы восстановились. Пес снова смог ходить в рейды. Из каждого он стремился принести какую-нибудь милую безделушку: кулон, сережки, зеркальце. Все это богатство Игнат после тщательной дезактивации относил на станцию Площадь Ленина – медсестре Алисе Чайке.

Имя и фамилия девушки вызывали у Игната восторг.

– А что это за девочка? – напевал сталкер, увидев Алису, а Чайка подхватывала:

– И где она живёт?

– А я с такой вот рожей взял, да и приперся...

И они дружно заканчивали:

– К Элис! Элис!

Эта песня была не единственной, которую Игнат и Алиса пели вместе. Стоило им встретиться, и вот уже хриловатый мужской и звонкий девичий голоса выводили бодрые мелодии.

Их чувства друг к другу крепились день ото дня. Алиса читала стихи. Игнат травил байки, и, конечно, привирал. Но Чайка оказалась благодарным слушателем. Даже понимая, что Игнат просто выдумывает, девушка не пыталась вывести его на чистую воду.

«Пусть фантазирует, – размышляла Алиса. – Не обманешь – не расскажешь».

В первый раз за много лет Алиса влюбилась. Полюбила всем сердцем этого грубоватого, но веселого и открытого парня. Расставшись с Игнатом, она буквально не находила себе места. А увидев любимого, млела от счастья...

20 октября, вечер, за две недели до начала войны,

станция Чернышевская

Долгое время Игнату и Алисе не удавалось остаться наедине. Но их так сильно влекло друг к другу, что, наконец, влюбленные договорились встретиться на нейтральной территории. Выбор пал на станцию Чернышевская.

Нейтральная жилая станция находилась в одном перегоне от Площади Ленина и в двух – от Владимирской. Надежно защищенная владениями Альянса от всех возможных врагов, Чернышевская считалась мирной, спокойной окраиной. Имелась тут и гостиница, где можно было за умеренную плату снять номер на ночь.

Здесь и решили встретиться Алиса и Игнат.

Дело было вечером, после рабочего дня. По станции сновали люди, возвращавшиеся домой – кто с трудовой смены, кто с дежурства на блокпосту. Военные и гражданские, мужчины и женщины – кого тут только не было. В узких проходах между хибарами царила типичная для жилой станции сутолока. Старожилы рассказывали, что до войны такая же толкотня творилась в вестибюле станции. Это объяснялось огромным количеством офисов, музеев, магазинов, расположенных рядом с Чернышевской. После войны все эти здания старательно «чистили» сталкеры, в том числе Игнат Псарев. Сегодня он явился на Чернышевскую без оружия и химзы. И направился не к выходу, а в гостиницу. Номер стоил пять патронов. Недорого по меркам метро.

Алиса появилась минут через пятнадцать. Она была одета в брюки и свитер. Игнат немного расстроился, что девушка не стала надевать врачебный халат. Он

всегда мечтал снять с нее халатик, неторопливо расстегивая пуговицу за пуговицей. Но потом сталкер вспомнил, что на рабочей одежде медиков красовались свежие и давнишние кровавые пятна. Да и холодно было в метро, чтобы ходить в халате.

Алиса с минуту стояла на пороге, переминалась с ноги на ногу.

– Ну, ты чего, милая? – улыбнулся Игнат, подошел, обнял девушку. Она чуть заметно вздрагивала. – Боишься?

– Да. Нет, – отвечала Чайка. – Нет. Правда, нет. Просто здесь... Холодно.

В гостиничном номере было темно и неуютно. Алиса, сняв свитер, сразу почувствовала сильнейший озноб. Кровать печально скрипнула, когда девушка легла на нее. Постельное белье оказалось слегка влажным. То ли отсырело, то ли его толком не просушили после стирки. Да и стирали ли тут что-то? Чайке не хотелось даже думать, сколько парочек совокуплялось в этом номере.

В соседних номерах между тем кипела жизнь. С правой стороны раздавался богатырский храп. С левой – вялая перебранка между мужчиной и женщиной. Оба ужасно шепелявили и выговаривали ругательства, словно через силу. В коридоре кто-то надсадно кашлял. Не самая романтическая обстановка для первой ночи любви...

Игнат начал стягивать с себя куртку.

Вдруг раздался голос Алисы.

– Милый. Милый, давай не здесь. Не сейчас. Может, у тебя?

– У меня? – Пес фыркнул. – Ты смеешься, детка? Я в палатке живу, с двумя мужиками! Давай тогда к тебе.

Но своего жилья у девушки не было, Игнат знал это. Только койка в общем спальном помещении. Площадь Ленина была одной из самых густонаселенных станций метро.

– Ну, давай пойдём на другую жилую станцию, – предложил он. – На Выборгской тоже есть гостиница.

– А какая разница?

Разницы, в самом деле, не было. Все станции, кроме нескольких самых богатых, почти ничем не отличались друг от друга.

– Да ладно, норм гостиница. Че ты не устраивает? – проворчал сталкер и начал снимать штаны.

– Все. Все не устраивает! – прошептала Алиса сквозь слезы.

– Понимаю. Но, блин, детка, тут не Страна Чудес. Даже не Зазеркалье. Это метро, – Игнат опустился рядом на скрипучий матрас, ласково провел ладонью по голому животу девушки. Алиса дрожала. Игнат покачал головой.

– Ты не заболела?

Она не ответила. Нашупала рукой свитер, кое-как натянула его через голову. И Пес понял, что секс отменяется. Волшебное свидание, которого Игнат ждал целый месяц, вновь откладывалось. Сталкер даже не пытался скрыть свою обиду. Он демонстративно застегнул куртку на все пуговицы и сел спиной к девушке.

– И че нам делать? А? На Невский переезжать? Ага. Щас. Ты хоть понимаешь, как там все дорого?!

– Можно и туда, – Алиса подобралась к Игнату, попыталась ласково обнять его за плечи. – Не насовсем, конечно. На одну ночь. Там тепло, сухо. Снимем номер...

– А потом? – Пес не оборачивался, отрешенно смотрел в пустоту.

– Ну, придумаем что-нибудь, – произнесла она. Помолчала и добавила с раздражением: – Ты же сталкер, Игнат! И сидишь без денег! Что мешало скопить на нормальное жилье?

Псарев промолчал.

Патроны в его карманах, в самом деле, водились. Но не задерживались. К тому же он привык жить в палатке с Молотом и Суховеем, ему нравилась такая жизнь, простая, без лишних удобств и ограничений. Прежних подружек Игната все устраивало.

– Разве я многого прошу? – кипятилась Алиса. – Я просто хочу свой уголок!

– Хоум, свит хоум, значит? – проворчал в ответ сталкер.

В словах девушки был свой резон, Игнат это понимал. Скопить на покупку отдельного жилья было ему вполне по силам. А когда Пес чувствовал себя неправым, то страшно злился. Едкое замечание так и просилось на язык.

– У всех бабы как бабы. А у меня, блин, принцесса... – буркнул Псарев.

Он говорил негромко, себе под нос. И все же Алиса услышала. От обиды девушка даже не смогла ответить ничего внятного. Она лишь всхлипнула, вскочила с кровати и выбежала из гостиницы. Игнат кричал ей вслед: «Стой, милая! Прости!» – но Чайка не остановилась, пока не преодолела перегон до Площади Ленина.

Алла Ивановна, увидев заплаканную, еле стоящую на ногах девушку, даже ругаться не стала. Лишь обреченно махнула рукой. Что, мол, с тебя возьмешь.

Кое-как добравшись до своей койки, Алиса упала на подушку и забылась тяжелым муторным сном.

27 октября, за десять дней до начала войны,

станция Площадь Ленина

Алиса твердо решила, что как только Псарев появится, у них состоится серьезный разговор.

– Пришло время определиться, – повторяла она снова и снова, репетируя их встречу. – Нам нужно нормальное жилье. И точка. Иначе никак.

Но Пес все не появлялся. Задетая гордость мешала Алисе сделать первый шаг. Она ждала. Шли дни. Игната не было.

Наконец Чайка сдалась. Отправилась на Владимирскую сама.

Там она не нашла ни Молота, ни его парней.

У костра грелись местные жители в ботинках с шипами и прочих странных шмотках. Их тут называли «спелеологами». Горланил песню тип по прозвищу Психопат. По станции прохаживался туда-сюда суровый шериф, местный блюститель порядка.

– Вам кого? – недружелюбно спросил шериф у Алисы.

– Игната, – промолвила девушка.

– Уплыли сталкеры, – шериф хмыкнул и пожал плечами. – За Неву ушли.

– Давно?

– Да уж неделю как свалили. Их нанял какой-то купец. Как его бишь? Антон... Ка-зи-ми-ро-вич, во.

Обратно на станцию врачей Чайка возвращалась удрученная, подавленная. Алисе удалось выяснить, что рейды группы Молотова на правый берег никогда не затягивались дольше, чем на три дня. А прошла уже неделя.

– Потонул Молот, – шептались по углам. – И казачки эти с ним в придачу.

Все тревожнее становилось на душе у девушки.

Все внимательнее смотрел в ее сторону Гаврилов...

Прошло уже десять дней с момента ее ссоры с любимым. Псарев не возвращался.

Глава шестая

ПЕРВЫЙ РЕЙД

За четыре дня до начала войны, утро,

альянс Оккервиль/Заневский проспект

На рассвете, когда туман стлался над землей, скрывая все углы и неровности, из вестибюля станции Ладожская вышел отряд из пяти человек. Это были сталкеры Оккервиля.

Во главе отряда шел Денис Воеводин, один из лучших сталкеров правобережной общины. С ним – два опытных бойца, Федор Романов с позывным «Царь» и Эдуард Вовк, он же «Волк». Оба имели за плечами десятки рейдов, оба слыли прекрасными стрелками и много раз доказали в бою, что не зря носят свои гордые прозвища. Разве что груз пришлось распределить неравномерно: из-за проблем с позвоночником Эдуард не мог носить рюкзак.

Для усиления отряду придали также двух вооруженных гражданских: Диму Самохвалова и Соню Бойцову.

В отличие от многих других юношей и девушек, Дима и Соня имели какой-никакой боевой опыт, да и в схватке с грибниками из Веселого поселка показали себя отлично. Вот полковник и решил усилить тройку сталкеров двумя «ополченцами». Заодно Самохвалов безропотно взвалил на себя рюкзак Эдуарда.

Проводы были непростыми. Особенно горевали родители Димы. Юноша, один из немногих, рос в полной семье. Его воспитывали мать и отец, оба работали поварами. Без слез и уговоров не обошлось.

– Не пущу! – кричала Ольга Самохвалова, мертвой хваткой вцепившись в единственного сына.

– Милая, приказ полковника... – Михаил, отец Димы, попытался образумить жену.

– Плевать! Не пущу! – шептала мать сквозь слезы.

– Ма. Ма, не надо, – ворчал юноша, пытаюсь вырваться из ее объятий. – Я уже не поваренок. Я – воин.

Младший Самохвалов был бледным, как полотно, тело его сотрясали судороги, пот струился по лбу, шее, спине. Меньше всего на свете он походил сейчас на грозного воителя.

– Поваренок, – твердила Ольга. – По-ва-ре-нок. Твое дело – суп варить. А воют пусть другие. Не пу-щу! Ты ж еще мальчик, Митенька.

– Сколько раз повторять! Я не Митенька! – взвился тот. – Я – Дима! И я уже не мальчик.

– Уже нет, – заметила с усмешкой Бойцова и сладко потянулась.

Соня и Дима долго не могли остаться наедине. Каждый раз первой близости что-то мешало. И вот вчера ночью все произошло. Секс оказался единственным способом вернуть парня в нормальное состояние после убийства грибника. Заодно и Соня Бойцова впервые за долгое время почувствовала себя женщиной.

Мама и папа Димы об этом событии, конечно же, не знали.

– Одно это мужиком не делает, – проворчал Михаил Самохвалов.

– Еще как делает! – Воеводин оглушительно расхохотался. – Поздравляю, Димон. Осталось только замочить пару веганцев – и ты настоящий воин.

Юноша вымученно улыбнулся. От одной мысли, что им предстоит столкнуться со штурмовиками Империи Веган, его бросало в дрожь...

* * *

Два часа назад, когда полковник Бодров приказал Диме и Соне присоединиться к тройке Воеводина, сердце юноши ушло в пятки, спина взмокла, а к горлу подступил комок.

– Кто? Я? – выдавил из себя перепуганный Дима.

– Цепочка от буя! – процедил в ответ Дмитрий Александрович. – Ты оглох, Самосвал? Приказ ясен? Выполнять!

И парень на ватных ногах вышел из кабинета командира.

Он был на поверхности всего один раз. В тот день сталкеры Оккервиля и группа Молота совместными усилиями уничтожили целую стаю мутантов. Дима натерпелся такого страха, что потом неделю кричал по ночам. От одной мысли, что рано или поздно снова придется выйти на улицу, его начинало знобить.

И вот этот день настал.

Радовало лишь одно. Соня, любимая девушка Димы, тоже отправлялась в поход.

* * *

– Не пущу! – повторяла Ольга Самохвалова, как заведенная.

Соня стояла рядом и ломала голову, как успокоить безутешную мать. Михаил Самохвалов тоже ничего не мог придумать, лишь растерянно пожимал плечами. Дениса Воеводина, в чье распоряжение поступили «ополченцы», ситуация и вовсе разозлила.

– Развела, блин, нюни, – ворчал сталкер. – Только время из-за нее теряем.

– Долгие проводы – лишние слезы, – согласился Эдуард. – Отпусти парня, Оль, кончай истерику.

Но та продолжала рыдать в три ручья и Диму из объятий не выпускала.

И тогда юноша вдруг резко, рывком отстранил от себя плачущую мать и произнес твердо, но в то же время нежно:

– Идет война, мам. Я должен выполнять приказ.

– Пообещай, что вернешься. Дай слово. Поклянись! – запричитала Ольга, утирая рукавом покрасневшиеся глаза.

Дима лишь вздохнул в ответ. Даже опытный сталкер, покидающий метро на пару часов, не мог быть уверен, что вернется. Что говорить о людях, путь которых лежал в самую гущу кровавых событий.

– Не обещаю, но постараюсь, – произнес он, через силу улыбнулся и вслед за Федором шагнул в открытую дверь, к лестнице, ведущей в вестибюль.

Соне в этом смысле было проще. Сирота без роду-племени, она прикипела сердцем лишь к одному из жителей Оккервиля – Диме.

Им предстоял далекий путь до станции Площадь Ленина. Они шли в Большое метро. Туда, где со дня на день должна была начаться великая война с Империей Веган. А может быть, война уже шла. В общине Оккервиль, отрезанной от всего остального мира, не имели никакой связи с метро. Требовалось разведать обстановку на левом берегу и, при необходимости, оказать помощь союзникам-приморцам. Имелась у уходящих и иная цель.

– Вы ведь любили Ленку Рысеву? – обратился полковник к Диме и Соне после оглашения приказа. – Она там, в Большом метро. Найдите девчонку и попробуйте привести назад. Кто, если не вы?

И вот они шагают через заснеженные руины родного города туда, где в зыбкой туманной дымке скрывается цель их путешествия – Финляндский вокзал...

Дима всю жизнь мечтал хоть одним глазком взглянуть на величественные памятники архитектуры родного города, о которых столько слышал от стариков. Он с детства обожал рассказы о грандиозном Исаакиевском соборе. Об изящной колокольне Петропавловского собора и об ангеле на ее шпиле. О кораблике Адмиралтейства, символе города, и о забавном Чижике-Пыжике. О фонтанах Петергофа. Если к юноше в руки попадала книга или журнал с фотографиями Петербурга, он приходил в неопиcуемый восторг и мог часами смотреть на выцветший снимок с панорамой стрелки Васильевского острова...

И вот настал день, когда он оказался на набережной Невы. Но так ничего и не увидел... Правда, к Неве они вышли далеко не сразу.

Шел снег, за его пеленой скрывались все окрестные здания. Мутные стекла противогаза сильно ухудшали обзор. А главное, каждую секунду Дима ожидал нападения чудовищ, держал наготове ружье и думал только о том, откуда может появиться опасность.

Отряд подошел к берегу небольшой речки, протекавшей недалеко от станции Ладожская. Это была первая серьезная преграда на их пути.

Сама речка Оккервиль, в честь которой называли общину, смогла бы остановить разве что ребенка. Глубина ее не превышала полметра, а ширина – полтора метров. К тому же, Оккервиль замерзла. Но к удивлению Самохвалова, Денис Воеводин не повел отряд сразу к реке, а велел остановиться и послал Федора на разведку.

«Ну, это уже лишнее, – размышлял парень, укpывшись в зарослях ивняка в ожидании возвращения разведчика. – Это ж наши края. Нас тут каждая мутособака знает».

И Дима замурлыкал под нос песенку, которую часто пели в их общине:

– Ре-ека Оккерви-иль, ре-ека Оккерви-иль!

За это тут же получил воспитательную затрещину от Дениса.

– Хлебало закрыл! – прогудел командир сквозь маску респиратора.

Хотя отряд и находился всего в километре от вестибюля метро, Воеводин вел себя так, как если бы они уже оказались в тылу врага. Бойцы шли медленно, держа наготове оружие. То и дело высылали вперед разведку: то Федора, то Эдуарда.

«Наши края, ага, – в душе юноши зародилась тревога. – Полная безопасность! А росوماхи и бородавочники? А штурмовики веганцев? А мутанты из вокзала? Нет. Нет в этом городе больше безопасных мест...».

Царь не возвращался.

Дима настороженно огляделся по сторонам. Милая, радующая глаз картина. Кусты и деревья у берега речушки, присыпанные свежим снежком. Чуть в стороне – изящный храм с белыми стенами и синей крышей.

– Господи, помоги нам! – прошептал он, неуклюже сложил пальцы в щепоть и перекрестился.

В этот момент появился Федор. Он что-то быстро объяснил Денису, и отряд изменил маршрут движения. Вместо того чтобы форсировать реку, Воеводин повел группу на мост.

«Ну вот, лишний крюк делать», – подумал Дима с раздражением. Вслух, конечно, ничего не сказал. Одной оплеухи ему вполне хватило.

Парень начал уставать. Ноги заплетались, вязли в рыхлом снегу. Тяжелый рюкзак придавливал к земле.

Отряд благополучно преодолел мост и двинулся по Заневскому проспекту до пересечения с Новочеркасским проспектом.

Дима ковылял в центре отряда, чуть слышно материл тяжеленную поклажу, а в голове его все звучала, не смолкая, прилипчивая песенка:

– Ре-ека Оккерви-иль, ре-ека Оккерви-иль!

У перекрестка двух проспектов отряд снова остановился, и на разведку ушел Эдуард Вовк. Впереди группу ожидала еще одна водная преграда: устье реки Охты.

– Почему нельзя было перейти Охту сразу, у Утки? – ворчал Дима. Как только объявили приказ, он буквально рухнул на землю, бесцеремонно сбросив рюкзак. Швырнул бы и ружье, но пожалел. Все же «Бекас» был его собственностью, в отличие от рюкзака.

– Ты в своем уме? – повернулся в его сторону Воеводин. – Про выроdkов забыл?!

Парень прикусил язык. Он совсем упустил из виду, что на берегу реки Охты располагалась колония человекообразных тварей. Свою опасность для людей выроdkи продемонстрировали совсем недавно, убив двоих веганских солдат и едва не сожрав опытного сталкера Ивана Громова.

Денис огляделся и приказал отряду переместиться с перекрестка, открытого всем ветрам и глазам, в подземный переход. Спускаясь вниз по ступенькам, то и дело спотыкаясь о мусор, Дима вдруг застыл как вкопанный, увидев перед собой изящную букву «М» с выгнутыми дужками.

«Новочеркасская» – гласила надпись.

– А че мы тут не вышли? Какого хрена нужно было тащиться через весь район?! – принялся возмущаться юноша. – Только время потеряли...

Вместо ответа Денис дал ему в ухо так, что парень насилу удержался на ногах. Перед глазами все поплыло, в ушах зазвенело, и словно бы издалека, до Димы долетел голос командира:

– Еще раз вякнешь не по делу – убью. Усек?

Соня стояла рядом, но не вступилась за Самохвалова. Лишь печально покачала головой. Девушка не доставляла никаких проблем Денису, молча выполняла все его приказы, контролировала свой сектор, шаг не сбивала.

– У-усек... – пробормотал парень, нащупал рукой стену и устало сполз на грязный пол подземного перехода.

Соня присела рядом на корточки. Потом отстегнула респиратор. Дима замычал: «Ты че, отравишься!» – но девушка лишь отмахнулась. Мол, ничего страшного. Затем придвинулась ближе и шепнула ему на ухо.

– Дим. Ну, ты че? Забыл, что выход с Черкасы перекрыли много лет назад?

Это было чистой правдой. Полковник Бодров после долгих размышлений принял решение заблокировать все спуски на станцию Новочеркасская. Юноша об этом, конечно, слышал. Но забыл.

– Дим, – продолжала Соня, строго глядя на юношу, – ты же сам сказал там, на станции, что ты – мужчина. Соответствуй.

Девушка встала и подошла к Денису. Тот сидел у противоположной стены и внимательно изучал карту местности. Наверху дежурил Федор.

Снежинки одна за другой падали с неба. Неторопливо кружились и неспешно опускались на лестницу. В подземном переходе царил зловещий, таинственный полумрак. Эдуарда все не было. Соня осталась рядом с Воеводиным. Внимательно слушала, что говорил Денис, то и дело тыкая пальцем в карту. До Димы слова командира не долетали.

Парень почувствовал едва ощутимый, но болезненный укол ревности.

«На фоне Дэна я – не мужик, не мужик, – размышлял он, тоскливо оглядывая атлетическую фигуру Воеводина. – И вообще, ни фига я не Дима. Митяй я. Соньке со мной неинтересно. Тогда, в постели... Больше пыхтел, чем дело делал. Конечно, она сказала, что все прошло прекрасно. Но я-то знаю. Соберись, Димон, утри сопли», – приказал себе Самохвалов.

Словно бы прочитав его мысли, девушка вернулась, присела рядом. Прижалась к Диме плечом.

– Ладно, Дим, забей, – произнесла она с нежностью. – Все понятно. Это твой первый рейд. Мне тоже того... Ссыкотно. И куда Эд запропастился?

Еще минут пять сталкеры с возрастающей тревогой ждали возвращения разведчика. Федор, дежуривший на верхней площадке лестницы, до рези в глазах вглядывался в безжизненные руины, окружавшие перекресток.

Ни звука. Ни криков, ни стрельбы. Ни единого признака жизни. Только снег. И тишина. И зловещая дымка, поднимавшаяся над дальними строениями. Это стлался парок над водой могучей Невы...

Время шло. Ничего не происходило.

И скоро стало ясно, что Вовк не вернется.

Часть вторая

Белые начинают и...

Глава седьмая

ВЕСЕЛЫЕ СОСЕДИ

За десять дней до начала войны, альянс Оккервиль

Станция Проспект Большевиков, входившая в альянс Оккервиль, долгие годы считалась самой густонаселенной. А значит, и самой шумной. Старики и инвалиды стучали костылями по гранитным плитам. Стройным хором пели дети в помещении школы. Плакали малыши, а матери напевали им колыбельные про волчка-мутанта, который может не только укусить за бочок, но и кислотой плюнуть.

Это была дружная община, и народ здесь выглядел куда крепче, чем жители соседнего Веселого поселка. Получая огромные барыши от торговли наркотиками, Оккервиль процветал все то время, пока остальное метро медленно и печально скатывалось в пучину нищеты.

Но вот наступили трудные дни.

Транзит «веселых грибов» прервался. Сначала Империя Веган, зловещая соседка Оккервиля, объявила полную блокаду правобережным станциям, а потом и оккеры со своей стороны взорвали туннели, перекрыв тем самым прямой путь штурмовикам Вегана. Атаковать общину теперь можно было только с улицы, после кровопролитного штурма вестибюлей...

Станция Проспект Большевиков опустела. Многих жителей переселили на Ладожскую. Считалось, что там безопаснее. Школа стояла заколоченная, дети больше не пели хором, не слушали удивительные истории о жизни до Большого Капута, не решали задачки про сталкера Иванова, который тащит с поверхности мешки разной тяжести с разной скоростью. Все, кто мог держать в руках оружие, встали в строй. Не сегодня – завтра Оккервиль ожидал вторжения штурмовых групп противника...

Особое беспокойство у полковника Бодрова вызывал вестибюль станции Улица Дыбенко, ближайшей к мосту Володарского. Мост последней надежды, так его называли в народе до Катастрофы из-за самой поздней разводки. Теперь этой переправой через Неву, единственной в этой части города, с удовольствием пользовались веганцы... На станцию Улица Дыбенко отправили небольшой гарнизон, а в вестибюле разместили пост наблюдения.

– Мы – независимая станция, руки прочь! – заявили жители Веселого поселка, когда в их владения вторглись бойцы Бодрова.

Полковник не удостоил соседей ответом. Солдаты Оккервиля бесцеремонно растолкали местных жителей и принялись готовить станцию к обороне.

Одним из тех, кто отказался покидать Проспект Большевиков, был сталкер-ветеран Иван Громов с позывным «Лис». Страшные раны, полученные им в битве с армией Вегана, заживали очень медленно. Не могло быть и речи о том, чтобы

снова отправить Лиса в бой или хотя бы на патрулирование. Иван и передвигался-то с трудом. Большую часть времени Громов полулежал в кресле-качалке, которое поставили прямо в середине перрона, и читал книги. Одну за другой. Нескончаемой чередой проходили через его руки Александр Сергеевич Пушкин, Лев Николаевич Толстой, Артур Конан Дойл. Особый интерес у Лиса вызывали боевики, посвященные выживанию после Апокалипсиса.

«Какой ерундой кажутся выдумки писак на фоне настоящего Ек-Рагнарека» – размышлял Громов.

– И откуда вы их берете? – спросил однажды полковник Бодров, глава общины, решивший провести сталкера-инвалида.

– Из коллекции Рысева, – отозвался Лис. Дмитрий Александрович понимающе кивнул и больше вопросов задавать не стал.

В тот памятный вечер Дима и Соня пришли провести Ивана вместе. Все было обычно и привычно. Кресло-качалка. Плед, которым Громов укрывал ноги. Неизменная книга в потертом переплете.

Тихо и спокойно было на станции. Лишь легкий туннельный сквозняк гонял по платформе комочки пыли, похожие на шустрых мышек. Оттуда же, из туннеля, что соединял Проспект Большевиков и Улицу Дыбенко, доносились отдаленные шаги множества ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См.: Шимун Врочек. «Метро 2033: Питер».

2

Там же.

3

См.: Дмитрий Ермаков, Анастасия Осипова. «Метро 2033: Третья сила».

4

См.: Андрей Дьяков. «Метро 2033: Во мрак».

5

Мортусы – особая каста жителей метро, живут и трудятся в крематории на станциях Бухарестская и Международная.

6

История Молотова и его друзей описана в романе «Метро 2033: Третья сила». Они в самом деле покинули метро и оказались на острове Елагин. По ряду причин Борис Молотов и Лена Рысева решили не возвращаться обратно.

7

Стихи С. Штильмана.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ermakov_nataliya/metro-2033-ploschad-muzhestva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)